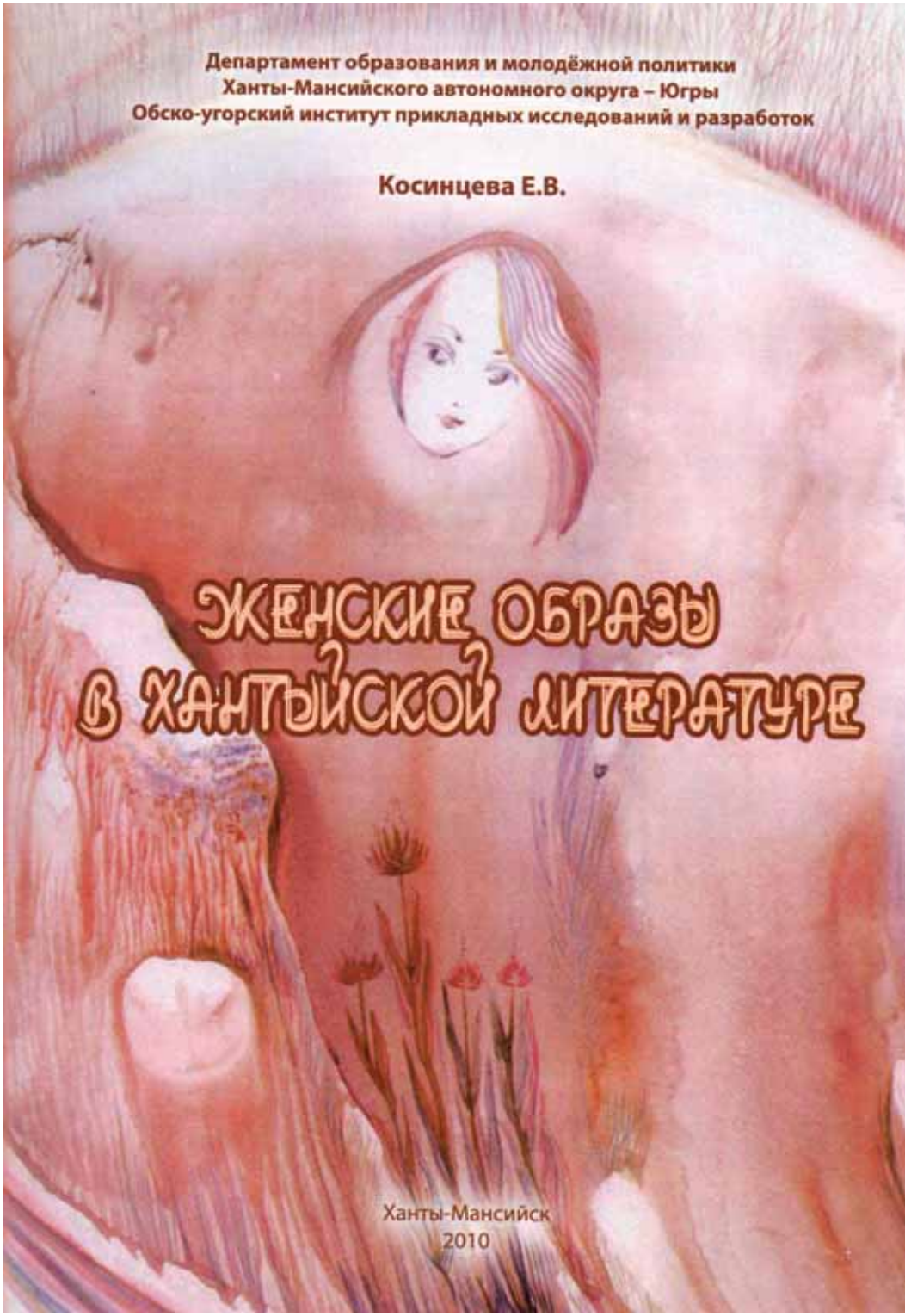

The background of the cover is a watercolor illustration. It features a woman's face with long, wavy hair in shades of pink and red, looking slightly to the side. Below her face, there are several small, stylized flowers with red petals and green stems. The overall color palette is soft, with various shades of pink, red, and white.

Департамент образования и молодёжной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Косинцева Е.В.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ханты-Мансийск
2010

УДК 37.3
К 71

Департамент образования и молодежной политики
ХМАО - Югры
Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок

Косинцева Е.В.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ханты-Мансийск
2010

УДК 39 (571)
ББК 63.521 (=665)
ISBN 978-5-91455-004-9

Косинцева Е.В.

Женские образы в хантыйской литературе. Монография/ Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. - Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. - 100 с.

Рецензенты: к.филол.н. Л.А. Андреева
к.ист.н. В.И. Сподина

Монография представляет собой опыт литературоведческого осмысления женских образов в хантыйской литературе. На материале произведений Г.Д. Лазарева, М.И. Шульгина, В.С. Волдина, Р.П. Ругина, Е.Д. Айпина, Т.А. Молдановой рассматриваются образ Матери, образ Возлюбленной, образ Святой женщины, образ Земной женщины.

Книга будет интересна исследователям финно-угорской литературы, студентам и всем, кто интересуется хантыйской литературой.

На обложке использована иллюстрация А. Мухаметовой к стихам Л. Юхимович «Лишь о любви я буду говорить», 2003 год.

УДК 39 (571)
ББК 63.521 (=665)

- 11950 -

ISBN 978-5-91455-004-9

Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийского автономного
округа – Югры
Книжно-библиографический отдел

© Косинцева Е.В.

Введение

Хантыйская женщина – это явление культуры и природы в их единстве.

Каргаполов Е. П.

Женская тема в хантыйской литературе до сегодняшнего дня не становилась предметом отдельного исследования. Женский образ в творчестве хантыйских поэтов и прозаиков столь же мало изучен. Сегодня можно констатировать, что о женских образах исследователи говорят применительно к творчеству М.К. Вагатовой, Р.П. Ругина, Е.Д. Айпина и Т.А. Молдановой. Вместе с тем женские образы встречаются и у В.С. Волдина, и у М.И. Шульгина.

Ученые не ставили специальной задачей исследование женских образов в творчестве того или иного автора, а лишь в некоторых работах упоминали о героинях произведений писателя или поэта. В статье Е.П. Каргаполов «Единение женщины и природы в творчестве М.К. Вагатовой» (2009) просматривает растворение женщины в природе и отражение четырех стихий мироздания в ее мировоззрении. Отдельные произведения М.К. Вагатовой, в которых просматривается женский образ, анализируют Е.А. Игушев в статье «Нравственный потенциал художественных произведений М.К. Вагатовой» (2009), М.М. Рябий «О новой книге Марии Вагатовой «Моя песня, моя песня» (2009), Е.С. Роговер «Лирика М.К. Вагатовой» (2009). Женские образы в творчестве Р.П. Ругина попутно затрагивали Е.С. Роговер и Н.В. Цымбалистенко. Стоит отметить, что Цымбалистенко акцентировала внимание на образе Возлюбленной в поэзии Ругина. О женских характерах в прозе Ругина Н.В. Цымбалистенко пишет в статье «Специфика мироощущения народов Севера и ее художественное воплощение в творчестве Романа Ругина» (2000): «<...> своеобразно решается в прозе Р. Ругина проблема женского характера. Ориентируясь на диалектику общественно-исторического развития народов Севера, Ругин в образах своих героинь искал

пути разрешения насущных проблем современности, национального бытия, грядущей судьбы Ямала. Женские образы здесь – это прежде всего персонификация жизни сердца, выражающаяся в стремлении к самостоятельности мышления, к освобождению от общественных условностей.

Идея свободы и несвободы, проходящая через все творчество Р. Ругина, становится ключевой в женских образах. Именно эти два начала приносят в мир героинь черты обреченности и неизбежной трагедии. Жизнь женщины очерчена стенами дома, и она безграничную свою активность посвящает сохранению семейного очага. Но в то же время героиня видит преодоление человечеством пороков и скверны в возможности самостоятельного выбора любимого человека, что отражает и точку зрения писателя. То есть женщина тундры балансирует на грани вековых традиций («замкнутого семейного пространства») и стремления стать гражданином мира».¹

О женской теме в творчестве Е.Д. Айпина заговорили в начале XXI века. Ю. Попов, Н. Цымбалистенко в статье «Сага о народе ханты» (2002) говорят: «Любовь, природа, искусство – вещи для Е. Айпина неразрывные, поэтому и линии женского тела ассоциируются у его героя с линией горизонта, следом падающей звезды, «изгибом печального месяца на ущербе», извивом Агана-реки...».² Т. Кунык в материале «Отстоять красоту своей земли» (2008) пишет: «Безымянные улицы, безымянный город, безымянная девушка, но всё вокруг отдано Ей».³ М. Лаврентьев в работе «Шаманское сердце» (2008) отмечает: «Божья Мать самоотверженным поступком, от которого леденеет в жилах кровь, спасла ни в чём не повинную женщину и её детей».⁴ О. Рычкова в статье «Уносимые ветром» (2008) отмечает: «Ветер времени бросает людей в

объятия друг друга, сбивает с ног, сулит неизбежную разлуку».⁵ В. Петушков в работе «Дорога к Утренней Звезде» замечает: «Женщина, жена, по своей природе более прочно вросла корнями в землю: у такого-то нужные вещички попроси, словечко замолви. Она всё больше о пропитании и одежке для детишек печётся, вот и подрезаны у неё крылышки, не может на них, слабеньких, взлететь».⁶ Вскользь упоминают о героинях Айпина В.В. Огрызко в монографии «Портрет на фоне безумной эпохи», Е.С. Роговер, С.Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина»; Е.П. Каргополов в работе «Столкновение полярностей или Сможем ли мы преодолеть идейный и гражданский раскол?», А. Жулева в статье «В зеркале нашего времени». О женской теме в творчестве Т.А. Молдановой размышляли С.Н. Нестерова в статье «Образ Анны в повести Т.А. Молдановой «В гнездышке одиоком»» (2008) и А.Г. Соловар в работе «Женские образы в повестях Т.А. Молдановой» (2009). А.Г. Соловар подчеркнула, что в «<...> произведениях «В гнездышке одиоком» и «Касания Цивилизации» автор создал эмоционально яркий образ матери, реализовав его через Анну и Татьяну. Героини жили в разное время, у них разные судьбы, но обе они – матери, они любят своих детей, готовы бороться за их жизнь, готовы всем ради них пожертвовать. Это сближает образы двух хантыйских женщин».⁷ С.Н. Нестерова пишет о судьбе героини, которая выдерживает все тяготы жизни: «Тяжелое время выдалось для Анны. Она должна была растить детей, готовить еду для большой семьи, не имея провианта, ходить на охоту, сражаться с волком. Героиня понимала сложность своего положения, когда детей необходимо выкормить, она приняла очень волевое решение в действиях. Кормила мальчиков как опору семьи, а бульон девочкам. Запретила детям выходить на улицу, где в этот период было небезопасно вокруг».⁸

5 Рычкова О. Уносимые ветром // Мир Севера. – М.: Литературная Россия, 2008. № 6. С. 53.

6 Петушков В. Дорога к утренней звезде // Мир Севера. – М.: Литературная Россия, 2008. № 6. С. 55.

7 Соловар А.Г. Женские образы в повестях Т.А. Молдановой // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не твоё прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 133.

8 Нестерова С.Н. Образ Анны в повести Т.А. Молдановой «В гнездышке одиоком» // Обские утгы: научные исследования и практические разработки: материалы Всероссийской научной конференции VII Югорские чтения. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 333.

1 Цымбалистенко Н.В. Специфика мироощущения народов Севера и ее художественное воплощение в творчестве Романа Ругина // Бард снежной державы: Страницы жизни и творчества Романа Ругина. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. изд-во, 2000. С. 39.

2 Попов Ю., Цымбалистенко Н. Сага о народе ханты // Хантыйская литература: Сборник / сост. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2002. С. 67.

3 Кунык Т. Отстоять красоту своей земли // Мир Севера. – М.: Литературная Россия, 2008. № 6. С. 39.

4 Лаврентьев М. Шаманское сердце // Мир Севера. – М.: Литературная Россия, 2008. № 6. С. 43.

Видим, что отдельного исследования женских образов в хантыйской литературе нет. Постараемся восполнить данный аспект изучения хантыйской литературы и рассмотреть женские образы в данной монографии.

Образ Матери

В литературе наравне с мужским присутствует и женское начало. В хантыйской поэзии типология женских образов весьма разнообразна и многопланова. Однако есть образ, к которому ведущие поэты обращаются с завидным постоянством, периодически возвращаясь к нему снова. Это образ Матери. В литературоведении образ Матери считается «эталонем женских достоинств». В хантыйской поэзии к этому образу обратились М.И. Шульгин, В.С. Волдин, М.К. Вагатова (Волдина), Р.П. Ругин, в прозе его воплотили Т.А. Молданова, Р.П. Ругин, Е.Д. Айпин.

М.И. Шульгин в стихотворении «Мама», вошедшем в сборник «Благодарность» (1975) создает образ, запечатлевшийся в душе поэта. Образ Матери порождает песнь, которую с особой нежностью поет благодарный сын женщине, подарившей ему жизнь «в радости и в печали». Отличительной чертой образ Матери у Шульгина становится трудолюбие. Не случайно в образе Матери поэт выделяет руки, не знающие «ни усталости и ни скуки», которые сравнивает со стрижами. Именно руки Матери сопровождают его лирического героя по жизни: в колыбели, во время болезни. В четвертой строфе стихотворения автора присутствует утверждение, которое нет смысла оспаривать: «Ты все отдавала детям...». В финальной строке произведения – закономерный итог отношений благодарного сына к матери: «Тебе поклониться хочу!».⁹ В книге, изданной к 70-летию со дня рождения поэта «Мави Ас. Медовая Обь» Н.И. Величко, в стихотворении «Мама» уже не четыре строфы, а пять. Последняя строфа определяет главную функцию женщины-матери на земле – продолжение жизни. Здесь же возникает и мотив вечной жизни женщины в ее детях:

⁹ Шульгин М. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1975. С. 34.

*Если бы не было мамы,
Не было бы жизни.
Вечно жить ты будешь
В облике детей своих.¹⁰*

Образ матери появляется и в поэме Шульгина «Макар Осьмаров». Уже во второй главе видим мать-хранительницу очага, которая прилагает все усилия, чтобы уберечь жизнь детей в тяжелых условиях, хотя автор и подчеркивает, что такая «<...> жизнь не в радость». Не случайно поэт сравнивает морщины на руках матери с ранами:

*<...> «За горсть серебряных монет
Зимой детишек не прокормит мама...»
Она – одна, в глухой тайге отец,
И ей знакома музыка бурана,
Бела ее прическа, как песок,
А на руках – морщины, словно раны.
Так и живет и будет жить – не в радость,
Средь чада, бересты, мошки, клещей <...>¹¹*

Дети, даже если они взрослые, обращаются за помощью к матери, вот и герой поэмы Шульгина, встретив любимую, просит: «Мама, помоги...».¹²

Переживания матери всегда связаны с теми, кого она любит. В стихотворении Шульгина «Из прошлого» видим слезы и тоску в глазах матери, вызванные болезнью ребенка: «Мать в немой тоске передо мною, / И от слез в глазах ее – туман».¹³

Мать – носительница древнего знания и культурных традиций предков, она приобщает к ним детей, учит жить и руководствоваться в своих делах общечеловеческими законами. В поэме читаем:

10. Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 141.

11. Там же. С. 194.

12. Там же. С. 201.

13. Там же. С. 254.

*А мать узнает все, как повелось:
Укажут сваты время встречи, место
Свиданья, -*

*и Макар найдет невесту,
Певунью, и ее коснется кос...¹⁴*

В.С. Волдин в стихотворении «Любимой матери» создает образ, которому адресованы самые дорогие слова детей. Один взгляд на лицо матери приносит радость. Поэт признается: «Мама, дорогая ты, мама, // Очень ты мне нужна».¹⁵ Волдин создает образ матери-друга. Материнский образ в лирике поэта светлый, одухотворенный, дарующий силу и уверенность, в отличие от образа отца, от одного воспоминания о котором, по признанию поэта, «тяжело <...> на душе становится». Акцентирует внимание Волдин на улыбке матери, которая является источником силы: «Пусть улыбка озарит твоё лицо // И я сильнее стану».¹⁶

Исследователи, обращавшиеся к творчеству М.К. Вагатовой, отмечали присутствие «женского начала» в ее поэзии. Женское начало не только представлено в поэзии М.К. Вагатовой целой галереей женских портретов-образов, явно преобладающих над мужскими, но и определяет устойчивые мотивы ее поэзии. Все, что связано с женским началом, обладает повышенной значимостью.

В иерархии женского, на вершину творчества возведен образ Матери. Яркий образ собственной матери, личный опыт материнства позволили поэтессе воссоздать гармоничный идеал женщины-матери, дающей новую жизнь:

*Не было б детей на свете, на большой Земле моей,
Если б не было на свете незабвенных матерей.¹⁷*

14. Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 201.

15. Волдин В.С. Любимой матери // Государственный архив ХМАО. Фонд 506, опись 4, дело 10, лист 32.

16. Там же. Л. 32.

17. Литература Югры. 1930-2000. Поэзия: Антология. Ч.1. (сост. Н.И. Коняев). – Ханты-Мансийск, 2001. С. 123.

Не случайно поэтесса сопоставляет образ Матери с весной, когда оживает вся природа, начинается новый цикл жизни окружающего мира, и с деревом, что позволяет говорить о мифологическом восприятии этого образа, соотнося его с древним древом жизни, основой мироздания. Следовательно, закономерно возникает развитие фольклорно-литературной параллели Мать-Женщина и Мать-Земля. В.Н. Соловар в материале «Поэтесса земли Югорской» (1996) отмечала ту же закономерность: «Глазами поэтессы мы видим ее земляков <...>. Дети тайги – трудолюбивые, добрые, жизнестойкие, они чувствуют себя единым целым с Матерью-Землей. Стихотворение «Плач» болью отзывается в сердце: растрепали люди густые, кудрявые волосы Матери-Земли, поседел ее дивные косы, превратились в гнилые щепки, и лицо покрылось грубыми, страшными морщинами, иссохли синие глаза от слез... И в этом плаче страстная мольба, просьба не губить то, чем мы живем, чем дышим».¹⁸

Материнский идеал у М.К. Вагатовой связан и с мотивом дома, Родины (природа выступает составляющей частью Родины, зачастую эти понятия становятся синонимичными).

Подчеркивая общую одухотворенность, щедрость образа, автор вводит в поэзию солнце, как образ-символ, соотносимый с очищающим, светлым началом, как образ небесного огня (известно, что в культурной традиции северных народов огонь является символом очищения и в существующих легендах божество огня имеет женскую ипостась). Интересно, что поэтесса соотносит тепло солнца с грудным молоком матери, подчеркивая его животворящую силу:

*Солнца тепло – что матери грудное молоко.
Они равную силу имеют.
Они равную цену имеют.*¹⁹

Раскрывая образ Матери, Вагатова делает акцент на сердце. Именно через сердце в образе Матери появляется некая

¹⁸ Вагатова М.К. Маленький тундровый человек: стихи и сказки. – Тюмень: СофтДизайн, 1996. С. 5.

¹⁹ Вагатова (Волдина) М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2002. С. 18.

тайна, загадка, постигнуть которую не дано никому. Веления материнского сердца выступают указующим перстом счастливой и достойной жизни. Сердце является летописью жизненного пути и главным показателем совести, а также обретает функцию ангела-хранителя. Особенно ярко это выразилось в стихотворении «Сердце матери». В современной хантыйской литературе имеется несколько переводов этого стихотворения. Есть и подстрочный перевод самой поэтессы, есть и переводы, выполненные Н.Шамсутдиновым, В. Мазиным, А. Керданом. И оригинал, и переводы, несмотря на различия в рифме, ритмическом строе, передали основные составляющие образа Матери: это и начало новой жизни, и сердечное тепло и красота, и заботы о детях, и не имеющая цену любовь. В матери соединились и два равных жизни понятия – «честь» и «совесть»:

Сердце матери!

Скажите, в чем его простой секрет? –

Сколько в нем тепла! – у солнца и десятой доли нет.

Красный свет светлей и краше кровью

красной матерей,

Не с чем сравнивать на свете сердце матери моей:

Коль с дорогой – то дорога бесконечно широка,

Если с силой – сила эта необъятно велика.

Коль с ценой – то нет дороже той цены на всей Земле,

Если с честью, без корысти, – не найти и слова мне.

Ну, а коль с ценою жизни сердце матери сравню,

То достоинства и чести сердца я не уроню.

В него старость не заходит, в нем упрека не найти,

И усталости в то сердце путь заказан. Нет пути!

В нем – мы первое дыхание, долгожданные, берем,

Открывая в жизни двери незабвенно белым днем.

Сердце матери!

Достойно, в счастье – жить оно велит.

Сердце матери!

*Ты – совесть, и моя, и всей Земли!*²⁰

²⁰ Литература Югры. 1930-2000. Поэзия. Антология. Ч.1. /сост. Н.И. Конев. – Ханты-Мансийск, 2001. С. 123.

Образ Матери в поэзии М.К. Вагатовой приобретает и молитвенное начало. Для каждой женщины смыслом существования и ее продолжением во времени являются дети. Поэтому мать совершает таинство и обращается к высшим силам (Торум Большой Отец) с просьбой защитить и уберечь ее детей от болезни и смерти, от «темных» дней жизни, от горя и несчастий. В стихотворении «Молитва матери» особенно эмоционально звучат строки молитвенного обращения:

*Я молю дочерям светлую жизнь,
Я молю сыновьям долгую жизнь,
Чтобы на их пути не было преград,
Чтобы их жизненные дороги бежали
По мягкой и гладкой Земле.
Мы бы все вместе спокойно жили.²¹*

И в этой молитве виден идеал женского счастья.

Тема матери в поэзии едва ли не самая трудная, поскольку требует безупречного вкуса помимо предельной искренности. К образу Матери, созданному М.К. Волдиной, удивительно подходит высказывание Г. Адамовича, обсуждавшего образ Матери в романе Б. Зайцева: «<...> образ этот <...> внутренне неисчерпаемо-жизненен и поэтому ни в новизне, ни в оригинальности не нуждается».²²

Однако, поэтесса расширяет границы образа. В стихотворениях, помимо матери, можно вычленить образы бабушки, внучки, дочери, жены, свекрови. Все их объединяет линия родства. И появление их в поэзии не случайно. Если присмотреться, то можно увидеть некую закономерность – это переходные этапы земной жизни женщины, временные границы которых сугубо индивидуальны, но при этом приоритеты ценностей остаются едиными и неделимыми. Именно эта составляющая и позволила сделать образ Матери завершенным. Е.П. Каргаполов в статье «Единение женщины и природы в творчестве М.К. Вагатовой» подчеркнул: «Поэзия хантыйской

писательницы М.К. Вагатовой соткана из образов хантыйской женщины, матери, семьи, из красок северной природы, жизни простого маленького народа Севера. Эта поэзия энергетична, несёт традиционное восприятие мира, тепла и добра. Она являет миру мысли и переживания, любовь и страсти хантыйской женщины.

М.К. Вагатова первая в хантыйской литературе подняла женщину, мать на небывалую ранее высоту. Она, как талантливый художник на полотне, в стихах ярко и сочно «рисовала» женские образы, слитые с природой. Её стихи не только историчны, но и автобиографичны. Мифология в творчестве поэтессы проявляется в особом взгляде на мир природы и культуры. Её творчество – это гимн хантыйской женщине.

Для того, чтобы понять поэзию М.К. Вагатовой, необходимо знать особую роль женщины в хантыйской культуре, семье, где роли мужчины и женщины строго определены. Мужчина и женщина принадлежат к разным мирам. Хантыйский мужчина олицетворяет собой Верхний мир, женщина – Нижний мир. Женщина, олицетворяющая Нижний мир, стоит на пути темных духов в Среднем мире. К Среднему миру принадлежит Земля. Понятию среднего мира соответствуют, также семья и дети. Мужчина же несет семье, детям материальные и духовные блага, нисходящие на Землю из Верхнего мира».²³ Рассматривая женские образы в творчестве поэтессы, Каргаполов размышляет о «растворении» хантыйской женщины в природе, об отражении в ее мировоззрении таких понятий как «земля», «вода», «воздух», «огонь»; представляет хантыйскую женщину «в мире звуков, цветов, запахов и ощущений». В конце своего исследования, ученый делает вывод: «Хантыйская женщина – это явление культуры и природы в их единстве».²⁴

Прочное место образ Матери занял в поэзии Р.П. Ругина. Н.В. Цымбалистенко в работе «Север учил, ничего не тая...

21 Вагатова (Волдина) М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказы. – Екатеринбург, 2002. С. 17.

22 Адамович Г. Борис Зайцев // Единчество и свобода /сост. В. Крейд. – М., 1996. С. 75.

23 Каргаполов Е.П. Единение женщины и природы в поэзии М.К. Вагатовой // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сороковичи, я не твое прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 47-48.

24 Там же. С. 63.

(Творчество Р.П. Ругина)» (2008) указывает: «С особой теплотой и признательностью пишет умудренный жизнью поэт о матери, изобретая оригинальную метафору».²⁵

Этот образ, как обобщенный, присутствует в ряде произведений поэтического цикла «Память о войне». В цикле под словом «мать» подразумеваются все матери, этим словом автор как бы стирает границы между народами и государствами: «Плакала мать за порогом Урала // В северном нашем краю...».²⁶

Типичными чертами материнского образа у поэта становятся жертвенность, верность и любовь. Эти черты раскрываются в отношении матери к детям. Безграничность чувств матери передал поэт в стихотворении «Материнская любовь». Используя образ утиного семейства, Ругин в последних строках стихотворения, воплотил силу материнской любви:

*Лапы стальные ей тело когтей
Утка собой прикрывает утят.
Хищник с добычей ушел в высоту,
Хищник терзает ее на лету.
Изнемогая от страшных когтей,
Утка глядит с высоты на детей.
Смерть не страшна ей: уже в камыши
Тихо вливаются ее малыши...»²⁷*

У матери одна радость – дети, и одно горе – их потеря. Образ Матери, не желающей мириться с судьбой, постигшей ее детей, присутствует в стихотворении Ругина «Ветераны войны». На это указывал и Е.С. Роговер в работе «Изучение творчества Р.П. Ругина в школе»: «И вот уже мать узнает о пропаже без вести старшего сына <...>. Женщина, отчаявшись, обращается к гадалке, которая утешает: «Пурга еще его след не замела!». <...> «Что может иное ответить гадалка –

25 Цымбалистенко Н.В. Север учил, ничего не тая... (Творчество Р.П. Ругина). - Салехард: Красный Север, 2008. С. 14.

26 Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-уральское книжное издательство, 2004. С. 262.

27 Там же. С. 289.

Такая же точно солдатская мать?».²⁸

В стихотворении Ругина «Проводы сына в армию» видим плач матери:

*Плакала тихо, платком то и дело
Слезы стирала она...»²⁹*

В плаче отражена боль и тревога женщины. Именно со слезами на глазах помнит ее сын много лет спустя:

*Но и сегодня тот день вспоминая,
Вижу я маму в слезах...»³⁰*

Отражение страшных предчувствий матери видим в стихотворении Ругина «Горсть родной земли». Мать « всю войну и четверть века после » ждет возвращения сына в отчий дом. Плавное ожидание сменяется действием – мать стремится «Побывать хотя бы в том краю, // Где его солдатская могила, // Где сложил он голову свою».³¹ чтобы там «рассыпать горсть родной земли». Видим и слезы матери на могиле сына. В финальных строках стихотворения Ругин выводит литературную параллель: Мать-Женщина и Мать-Родина. Эту же закономерность подчеркнул в стихотворении и Е.С. Роговер: «Поэт создает скульптурный образ, своеобразный монумент Матери-Родины в стихах».³²

Интересно, что Ругин так же вводит руки как составляющую деталь образа Матери. Им он адресует отдельное стихотворение «Руки мамы». При описании рук поэт использует глаголы действия «вскрывали... пластовали... плавил... сновали... стелились... прыгали...», которые использует при перечислении материнских домашних забот. Ловкость, расторопность ее действий поэт сравнивает с движениями горно-

28 Роговер Е.С. Изучение творчества Р.П. Ругина в школе. - СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2003. С. 74.

29 Там же. С. 262.

30 Там же. С. 262.

31 Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-уральское книжное издательство, 2004. С. 263.

32 Роговер Е.С. Изучение творчества Р.П. Ругина в школе. - СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2003. С. 82.

стая. Трогательные слова находит поэт, чтобы описать руки матери:

*Легкие руки <...>
Мамины добрые,
Жесткие руки в мозолях
С детства привыкли
К нелегкой работе мужской <...>
А ее небольшие ладони
Время еще находили
погладить меня,
И становилось уютней
от этого в доме...³³*

В стихотворении «Мать» Ругин прописал жизненный закон, определяющий отношение между матерью и детьми:

*С первого пронзительного крика
До молчанья смертного
У нас,
Даже если ходим далью дикой,
Нету ближе материнских глаз.
Горе сына станет арканом
И на сердце матери моей.
Мать меня считает мальчуганом
Даже и на склоне моих дней. <...>
Нам во сне любое может сниться,
Ну а мамам снятся только мы. <...>
Эти наши радости и беды
Молодят или старят матерей.³⁴*

Поэт подчеркивает, что и на закате жизни, матери живут «добрыми» делами детей, которые подобно птицам, летят к ним. В финальных строках произведения появляется мотив вечности: все меняется в мире, «Только сердце матери сквозь годы // Светит одинаково светло». Впервые поэт вводит глаза как дополняющую деталь в образ Матери.

³³ Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-уральское книжное издательство, 2004. С. 290-291.

³⁴ Там же. С. 291.

Любовь матери как истинная ценность раскрыта Ругиным в посвящении «Матери». Поэт осознает цену искренности, доверия, надежности, бескорыстности и преданности через время. Не оправдывая себя, он пишет:

*Не бесчувственной я был,
А был моложе...
Но с годами - <...>
Мать становится дороже и дороже,
И тепло ее мне душу наполняет.³⁵*

Говоря о матери (здесь, как и в стихотворении «Мать», образ носит автобиографические черты), поэт называет ее «дорогой», «единственной». Есть в произведении и мотив покаяния. В финальных строках отражена четкая убежденность поэта, вся глубина его привязанности к женщине, подарившей «закаты и восходы»:

*Не заменит ни подруга, ни товарищ
Материнского святого наставленья.
Не обнимешь мать
И не одаришь.
Но во мне она -
Душевым зреньем! <...>
Только мать
Способна через годы
Согреть
Детей дыханием последним.³⁶*

Так поэты в своих произведениях воссоздают различные грани идеального облика матери – характер сильный, несгибаемый, верный, искренний, преданный, лирический в его национальном воплощении.

Женские образы менее приметны, но не менее значимы в прозе Романа Ругина. Писатель, повествуя о событиях, преимущественно изображает героев, раскрывая их внутренний мир, противоречия личности. Женские же образы в рассказах

³⁵ Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-уральское книжное издательство, 2004. С. 46.

³⁶ Там же. С. 47.

и повестях, за редким исключением, как скажем, рассказ «Сва-товство» или повесть «Сорок Северных Ветров», выведены автором на второй план, что не уменьшает их роли в художественном произведении.

Традиционно изображение матери - хозяйки дома. Все заботы направлены на благополучие семьи – мужа и детей. Пример этому находим в повести Ругина «В ожидании сына».

Знание психологии помогает автору раскрыть внутренний мир женщины. Интересно, что писатель показывает, как материнство меняет героиню, оно определяет ее жизнь. Отсюда и разочарование, подобное смерти, когда женщина узнает, что долгожданной беременности нет. Автор психологически точно передает состояние Таясь – героини повести «Сорок северных ветров»: «Она вдруг словно утратила интерес к самой жизни. В постель теперь ложилась как мертвая – ляжет и лежит неподвижно, даже дыхание не слышно». ³⁷ Ругин показывает и упорное стремление женщины реализовать заложенный природой инстинкт материнства. В той же повести читаем: «<...> Вот и Таясь, в отсутствие мужа, решила испробовать последнее средство: пригласила шаманку на камлание, чтобы та упростила духов помочь ей стать матерью <...>. порешали, что Таясь сходит к вдове Окуль, у которой прошлой осенью провалился под лед муж. Уже после этого несчастного случая, в Месяц Ветров, родила Окуль сыновей – близнецов. Четверо у нее стало. Нелегко ей, бедной, с такой артелью управляться. Так, может, отдаст им одного сына?». ³⁸

Семья становится той моделью мира, в котором живет женщина. Все ее заботы направлены в первую очередь на детей. Даже повзрослевшие дети вызывают беспокойство матери, она переживает за них. Видим это и в повести «Сорок северных ветров»: «Мать встретила Таясь слезами и попреками – мыслен-

³⁷ Ругин Р.П. Избранное: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 301.

³⁸ Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 300-303.

ное ли дело, исчезла неизвестно куда, да еще на сносях <...>». ³⁹

Жизненная мудрость, пришедшая со зрелостью, позволяет матери найти нужные слова оправдания, утешения для детей в минуты тяжелейших душевных переживаний последних. В повести «Сорок северных ветров» мать говорит Арси-ну: «Не виновата твоя Таясь, сынок, - под села к нему мать. <...> Приехала, значит, она на собаках из селенья Ванды. И какая-то она была такая...<...> Как самка чирка, у которой хал-деи утят сожрали»; ⁴⁰ в повести «Ранний ледостав» Еля объяс-няет Опуню, видя его тоску по старшей сестре Палаш: «Увез-ли нашу Палаш, сынок. Выкрали. <...> Всякая девушка рано или поздно покидает свой дом. Ведь Палаш наша... давно уже невеста. Вот и нашелся для нее суженный». ⁴¹

Показывает Ругин и отношение детей к матери, в основе которых любовь, нежность и желание уберечь от тревог. Арсин – герой повести «Сорок северных ветров» «<...> жалел мать: одного сына на фронт отдала, теперь второй уходит <...>». ⁴²

Свойственно матери и собственническое отношение к детям, нежелание расставаться с ними, отпускать их в «боль-шую» жизнь. Мать Миката в повести «В ожидании сына», уз-нав о том, что он собирается жениться на русской девушке, сердцем не одобряет действий сына: «А когда Сантра узнала от мужа, что Микат вдобавок ко всему собирается жениться на русской девушке Тоне, ее возмущению не было конца: <...> Смотри, какая она! Тихая вроде была, а сына тайком хочет от меня увести. Не выйдет, не выйдет!». ⁴³

Материнский идеал Е.Д. Айпина – мужественная, воле-ная, целеустремленная, негибкая женщина. Такими создал Айпин Анисью, Тамару в романе «Ханты, или Звезда Утрен-ней Зари», Веру Саввичну в романе «Божья Матерь в крова-

³⁹ Ругин Р.П. Избранное: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 293.

⁴⁰ Там же. С. 243.

⁴¹ Там же. С. 337.

⁴² Ругин Р.П. Избранное: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 231.

⁴³ Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 173.

вых снегах». Это редкое исключение в творчестве писателя, когда мать имеет имя, чаще всего, вводя образ Матери в повествование, Айпин не называет ее по имени, а использует обобщенную формулировку, выраженную словом «мама».

Образ Матери у писателя неотделим от народных традиций. Именно она выступает в роли хранительницы древних обрядов и обычаев ханты (обряд погребения, обряд защиты, обряды, связанные с огнем и т.д.) и приобщает к этому детей. Так, например, в повести «У гаснувшего очага» читаем:

«- Не шуми.

- Почему нельзя шуметь?

- Солнце скоро сядет.

- Ну и что – пусть садится!

- Вечером воды и земли засыпают, - пояснила Мама. – Поэтому нельзя шуметь. Дай им спокойно заснуть».⁴⁴

Материнский образ в хантыйской литературе имеет этнические корни, отмеченные еще А.В. Головневым в работе «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров»: «Материнская цепь непрерывна и вместе с тем всеохватна. Она будто пульсирует, разбегаясь духовной кровью из одного материнского сердца по всему телу, а затем вдруг вновь оказываясь собранной в маленьком сердце для нового толчка. Она легко меняет цвет <...> оказывается в чередѣ зим и лет <...> дня и ночи <...> рождения и смерти <...> Она неслышно переходит из камня в огонь, из огня в солнце, из солнца в ворону, из вороны в березу, из березы... повсюду. И отовсюду - в человека. Вернее, не в человека вообще, а в образ женщины матери».⁴⁵

Матери свойственно чуткое отношение, сочувствие и сострадание к людям. Например, в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» Матерь Детей выхаживает раненного Белого: «Раны его смазывали медвежьим жиром. Поили отваром трав. Силы ему возвращали медвежьей горькой. Матерь Детей за-

44 Айпин Е.Д. У гаснувшего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред-Урал. Кн. Изд-во; Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. С. 13.

45 Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 539.

носила с улицы это застывшее в лед снадобье, складывала маленький кусочек и заставляла глотать, а уж потом запивать».⁴⁶

Мать, согласно древнему закону природы, дарует жизнь. Естественным, поэтому, является изображение матери в окружении детей. Героини произведений Айпина пытаются спасти детей, борются за их жизни: Матерь Детей в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» кормит своей кровью из груди Савву. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Тамара воспитывает детей без поддержки мужа, дает им образование, а Анисья собирает последние монеты в доме, чтоб вернуть Пеструху, которая была надеждой и опорой большой семьи.

Потеря ребенка становится трагедией. Ощущения матери автор сравнивает с пустотой: «С уходом Анны у нее все усиливалось ощущение пустоты. Пустоты в сердце. Пустоты в душе. Пустоты вокруг себя. Пустоты на земле».⁴⁷ Горе матери одинаково у человека и у зверя. Мать-волчица ищет смерти у людей в романе «Божья Матерь в кровавых снегах». В рассказе «Медвежье горе» медведица не может пережить гибель медвежат. Горе матери заканчивается семейной трагедией – семьи больше нет.

Мать – хранительница очага, который символизирует семью, родство. Родственные связи в семье поддерживаются женщиной. Так, например, в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» говорится об иконе, которая передавалась из поколения в поколение по женской линии.

Хантыйские прозаики рассказывают в своих произведениях о том, что героиня-мать в силу разных обстоятельств становится главой семьи. Мужа Матери Детей в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» убили красные, в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Тамара так же осталась без мужа, у Анисьи муж (Демьян) - мечтатель и философ, который все заботы о семье переложил на плечи жены. Создавая женские образы, Айпин использует противопоставление: сильный – слабый характеры. На фоне слабого мужского образа рожда-

46 Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 89.

47 Там же. С. 127.

ется сильный женский характер.

Видим в произведениях и женскую интуицию, выражающуюся в материнских предчувствиях. Предчувствия Анисьи в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» предрекли грядущие драматические события, поджидающие хозяина дома.

Редким проявлением материнского горя в произведениях Айпина становятся плач и слезы. Видим слезы Матери Детей в романе «Божья Матерь в кровавых снегах»: «У нее невольно потекли слезы, и она незаметно для детей смахнула их рукой». ⁴⁸ В этом же романе можно слышать молитву из уст матери. Все помыслы, просьбы, заклинания концентрируют внутренние силы женщины на обращении к высшим силам за страдающего ребенка: «Анна, я отниму твою боль, залечу твои раны, сделаю тебя здоровой, невредимой», ⁴⁹ или на молитвенном взывании к Солнышку-Матушке, Месяцу-Старику.

Естественны и волнения, забота матери о детях. Так, Анна, мать Микуты, в повести «В ожидании первого снега», переживает за своего сына, который пошел работать на буровую: «Погубит его черная вода!». ⁵⁰

Материнский инстинкт силен в женщине. В отсутствии семьи она создает псевдосемью из своего окружения и адресует ей материнские чувства, заботу. Пример этого видим в повести «В ожидании первого снега». Тетя Вера заменяет бурильщикам мать, ухаживает за ними, следит всегда за порядком и чистотой: «<...> чтоб не лез в комнату в грязной спецовке, чтоб окурки и спички не бросал на пол. Белье меняю ровно через две недели <...> как всем», ⁵¹ а когда уволился Жора, она стала им и готовить.

Женщина – носительница древних семейных традиций, именно мать приобщает детей к народной культуре. Это неоднократно показано Айпиным в повестях «Я слушаю землю»,

⁴⁸ Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: издательский дом «Пакрус», 2002. С. 127.

⁴⁹ Там же. С. 70.

⁵⁰ Айпин Е.Д. В ожидании первого снега. Повести. – Свердловск: Средне-Уральское кн. Изд-во, 1979. С. 127.

⁵¹ Там же. С. 8.

«У гаснущего очага»: «Мама сшила для меня маленькое ведерко. Я смотрел, как она делала это. Кусок бересты, нагрет на огне, изогнула с четырех углов. Получилась куженька. Верхний край, приложив с внешней и внутренней стороны саргу – ленту из лыка молодой черемухи, обшила мятым корнем кедра», ⁵² «- Роман, я вымою тебе волосы так чисто, что на твою голову сядет птичка!

- Птичка на голову?! – удивился я.

- Да, только на очень чистую голову!». ⁵³ Мать приобщает детей к труду, и все это делается ненавязчиво, естественно.

Дети, сколько бы лет им не было, всегда для матери остаются детьми и объектом ее неустанной заботы: «Маме все казалось, что я еще маленький и на пристани мне делать нечего. Поэтому не хотела отпускать меня так далеко от дома», ⁵⁴ «<...> больше всех беспокоилась Мама». ⁵⁵

Образ Матери расширяется у Айпина в Мать Матерей. Одну из глав повести «У гаснущего очага» писатель так и назвал - «Мать Матерей». Этот образ более древний, архаичный. В нем прослеживаются и черты святого, священного облика. Ключевыми характеристиками Матери Матерей становятся доброта, мудрость и сказочность. В повести автор Матерью Матерей назвал сказительницу Анну Митрофановну Конькову:

«Добра.

Сказочна.

Мудра

Добра, как женщина.

Сказочна, как богиня.

Мудра, как Мать Матерей». ⁵⁶

Айпин сближает образ матери с образом бабушки. В по-

⁵² Айпин Е.Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред.-Урал. Кн. Изд-во; Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. С. 33.

⁵³ Там же. С. 16.

⁵⁴ Там же. С. 51.

⁵⁵ Там же. С. 51.

⁵⁶ Там же. С. 72.

вести «У гаснущего очага» он называет последнюю - «мамина мама».⁵⁷

Образ Матери Айпин сравнивает с солнцем, символом светлой жизни, гармонии в мире. Подобное сравнение часто использовала и М.К. Вагатова. В повести «У гаснущего очага» читаем: «<...> солнце в корне очень похоже на мою Маму. Я сказал об этом Папе, и он ответил: «Солнце – это мама всех людей, поэтому, наверное, все мамы похожи друг на друга». Мне нравилось смотреть на солнце в короне и думать о Маме».⁵⁸ Не случайно обращение писателя к солнцу, как одному из символов материнства. Солнце – аллегория огня (небесного). Огонь издревле связан с женщиной, и богиня огня имеет женскую ипостась. Такую же параллель проводила и М.К. Вагатова в своей поэзии. Не случайно одна из глав повести «У гаснущего очага» названа Айпиным «Мать-огонь»: «Огонь – это Мать наша, а без Матери разве возможна жизнь человека? Особенно на Севере, в наших снегах и льдах? Конечно же, нет».⁵⁹

Нет ни в одном произведении Айпина описания героини-матери. Образ Матери возникает на чувственном восприятии, или видим ее глазами других героев. Так, например, в повести «Я слушаю землю» образ Матери воссоздан через слова Ромы.

Доброта – ключевое качество матери в прозе Айпина, но важно, что поступками матери руководит совесть: «<...> только спустя много лет он поймет, что мать была слишком совестлива и добра, чтоб откладывать лишний кусок на завтрашний день, когда соседи живут впроголодь. Угощала, делилась с теми, кто не мог промышлять слопцами».⁶⁰

Еще одна важная черта в образе матери – ее религиозность, набожность. Не случайно в романе «Божья Мать в кровавых снегах» Айпин уподобил Мать Детей иконе Богоматери: «Главварь от неожиданного напора отшатнулся, не

выдержав жгучего огня материнских глаз, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел другую женщину с ребенком. Эта, прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучала светлым ликом ровный свет и кротко и добро смотрела прямо на него он снова глянул на женщину со зло-яростными глазами. Его налитые кровью глазницы заматались от кротко-доброй к зло-яростной, от зло-яростной к кротко-доброй. Он не сразу сообразил, что перед ним икона Божьей Матери».⁶¹ Тесную связь матери с иконописным материнским образом видим не только в романе: «В это мгновение она точь-в-точь напоминала Божью Мать с иконы в золотом окладе, она была также красива и добра»,⁶² но и в повести «Я слушаю землю», в рассказе «Клятвопреступник»: «Его престарелая матушка в темном закутке вцепилась в икону и шептала молитвы бесстрастной Казанской Богоматери».⁶³ Вера матери выражается в молитве. Так, Вера Саввична в романе «Божья Мать в кровавых снегах» обращается с молитвенным словом к Божьей Матери: «И женщина обратилась к ней, позвала ее: «Божья Мама, приди, помоги мне добраться до человеческого жилья».⁶⁴ Молитвенным заклинанием звучат слова, произнесенные героиней от имени детей, в адрес аэроплана: «Нас не надо убивать. Мы только-только на свет вылупились. Мы еще совсем маленькие. Мы еще жизни то не видели. Мы еще на Солнышко не налюбовались. Мы еще на Луну не насмотрелись. Мы еще путей-троп не успели по жизни натопать <...> Мы еще маленькие. Нам еще нужно пожить. Красная машина нас не тронет...».⁶⁵ Однако, молитвы Матери не услышаны, но вера героиней не утеряна. Не случайно к молитвам она обращается на протяжении всего пути. О.К. Лагунова пишет: «Дни и ночи, завершающие путь Матери, - время молитв, обращенных к Солнцу, Месяцу, по-

57 Айпин Е.Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред-Урал. Кн. Изд-во: Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. С. 79.

58 Там же. С. 15.

59 Там же. С. 51.

60 Айпин Е.Д. Река-в-Янпаре. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «МИРАЛЛ», 2007. С. 42-43.

61 Айпин Е.Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 10-11.

62 Там же. С. 91.

63 Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: роман и рассказы. – М.: Русло, 1993. С. 81.

64 Айпин Е.Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 250-281.

65 Там же. С. 66-67.

кровительнице Агана, молитв, в которых была одна просьба: дать силы, укрепить дух, помочь добраться до человеческого жилья».⁶⁶

Айпин, как и многие хантыйские прозаики и поэты, провел параллель между женщиной-матерью и матерью-Землей. Е.С. Роговер и С.Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина» так же отметили наличие подобной параллели в романе прозаика «Божья Матерь в кровавых снегах»: «Он (Айпин – Е.К.) уподобляет Матерь Детей другой Матери – Земле. Если последняя в народе зовется Сидящей, то героиня повествования в эпизодах XXIV главы оказывается ползущей. Тем самым они непосредственно соприкасаются друг с другом. Смысл этого зримого соединения заключается в том, чтобы показать, как черпает силы Матерь Детей от своей кормилицы. Именно Сидящая держит на своей тверди Ползущую, тем более что Матерь Детей вступила на путь борьбы за не родную Землю».⁶⁷

Мать, самоотверженно борющуюся за жизнь детей, видим и в повести Т.А. Молдановой «В гнездышке одиноком», имеющую и второе название «Средний мир Анны из Маланга». А.Г. Соловар в статье «Женские образы в повестях Т.А. Молдановой» пишет: «Т.А. Молданова передала материнскую любовь. Только такая любовь к детям способна заставить женщину совершить подвиг, который совершила Анна. Только женщина, внутри которой зарождается жизнь, которую сравнивают с самой природой и с землей, может так страдать, когда смерть забирает ее дитя. Только женщина может знать настоящую цену человеческой жизни».⁶⁸

66 Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е.Айпин, Ю.Вэла, А. Неркаги). – Тюмень: изд-во ТГУ, 2007. С. 188.

67 Роговер Е.С. Нестерова Н.С. Творчество Еремея Айпина. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 121.

68 Соловар А.Г. Женские образы в повестях Т.А. Молдановой // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не твоё прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 135.

Созданный Молдановой образ Матери неотделим от детей: «Анна подошла к дочери. Глаза, полные боли и любви, очерченные огромными синими кругами, смотрели на нее. Мать впервые за много дней увидела таким своего ребенка: почерневшее лицо, провалившиеся щеки.

Дрогнуло сердце:

– Дитеночек мой, птенчик мой, что с тобой?».⁶⁹ «<...> огнем любви согрела умирающая девочка сердце матери, отступил холод. Анна смотрела на мир глазами дочери».⁷⁰ Героиня повести сопротивляется невидимым силам, противостоит им в борьбе за жизнь ребенка: «Нет! Не отдам! Не отдам дочь», «обращалась она к Нижнему миру, готовая зубами, ногтями впиться в любую тварь, что повиснет над изголовьем дочери <...>».⁷¹ «Все силы, чувства, всю себя собрала на кончики пальцев, которыми мяла им животики. <...> Спасла Анна Степана, а для Петра сил не хватило <...>».⁷²

Мать в борьбе за жизнь детей противостоит и природе. Показателен поединок женщины и волка в повести Молдановой: «И тогда Анне показалось, что вовсе не зверь перед ними, а исчадие Нижнего мира, кровожадный Тарен с раскрытой пастью <...>».⁷³

В борьбе Анне помогают духи (особенно, Тут ими), они же восполняют утасаживающие жизненные силы матери: «Тут-имие проснулась, осветила жилище, стала ласкать и успокаивать женщину: «Надо жить, жить надо... Для детей жить...».⁷⁴

Смерть ребенка – горе матери, которое накладывает отпечаток на ее эмоциональное состояние и на внешность: «Выгоревшим бором стала Анна после смерти сына <...> Глухарка она совсем покинула Анну <...> треснула ее душа и развернулась бездонная черная пропасть в Нижний мир <...>».⁷⁵

69 Молданова Т.А. Средний мир Анны из Маланга. // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник. – Томск: Ассоциация народов Севера, 1993. С. 73.

70 Там же. С. 76.

71 Там же. С. 88.

72 Там же. С. 90.

73 Там же. С. 90.

74 Там же. С. 72.

75 Там же. С. 71.

Трагедию потери новорожденного сына испытала и героиня повести Молдановой «Касания цивилизации». Горе иссушило женщину, силой воли поддерживала она в себе жизненные силы. Стены родного дома помогли вылиться горю матери в слезах и столах: «Этот жест жалости оказался губительным - слезы потоком полились из глаз <...> Обнимала себя, будто обнимала своего теплого сына. Слезы смешивались с ее горестными протяжными столами <...>». ⁷⁶

Рождение дочери не пробудило умерший материнский инстинкт героини. В дочери мать видела соперницу любви мужа: «Личико девочки отражало любимые черты Степана и ее собственные, почему-то матерью она себя не ощущала. Сердце молчало <...>». ⁷⁷ «Все это так не вязалось с первым материнским опытом Татьяны, с ее представлением о нежном существе, нуждающемся в неустанной опеке <...>». ⁷⁸

Молданова на примере Татьяны показала, как убийственно действуют человеческое бездушие и цивилизация на женщину. Они убивают в ней главное, что заложено природой – быть матерью, продолжательницей традиций и человеческого рода на земле.

А.Г. Соловар, рассматривая образ матери в повестях Молдановой, приходит к выводу, с которым трудно не согласиться: «Образ матери в произведениях реалистичен. Он сочетает в себе любовь, граничащую с жертвенностью, силу духа, мужество и одновременно смирение, безысходность, переходящую в обреченность. Через отношение к детям этот образ получает возвышенное звучание в повестях». ⁷⁹

Видим и неприглядную сторону материнского образа в рассказе Айпина «В полете в бездну» и в повести Молдановой «Касания цивилизации». Мать, под влиянием внешних

⁷⁶ Молданова Т.А. Касания цивилизации // Эрнтур. Альманах писателей Югры. Выпуск № 3. - Ханты-Мансийск: Эрнтур, 1998. С. 144.

⁷⁷ Там же. С. 160.

⁷⁸ Там же. С. 150.

⁷⁹ Соловар А.Г. Женские образы в повестях Т.А. Молдановой // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой. 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 137.

факторов, утратила материнский инстинкт – бросила дитя. В повести Молдановой «Касания цивилизации» Татьяна на всю жизнь запомнила слова, брошенные ей не матерью: «Меня издумала осуждать... Знай, что ты сама такое же дерьмо...». ⁸⁰ Мать ребенку заменяет бабушка. В рассказе Айпина читаем: «А Ирина нуждалась в особом внимании. Считай, выросла сиротой. Отец погиб на охоте. А у матери совсем, мягко говоря, нескладно сложилась жизнь. Девочка росла у бабушки». ⁸¹

Таким образом, можно утверждать, что образ Матери занимает ведущее место в хантыйской литературе, правда, доминанта несколько смещается в сторону прозы. Хантыйские поэты и прозаики показали все грани образа Матери. Вместе с тем, в поэзии сложился идеал Матери, воссозданный на ассоциативно-чувственной памяти к отдельной детали. В прозе же не наблюдается столь явной идеализации. Мать выступает носителем и транслятором народной культуры, знаний, к которым приобщает и детей.

Писатели изобразили изменения материнского начала в женщине в меняющихся условиях ее бытования. Акцент сделан на внутреннем мире женщины-матери.

Можно констатировать, что и в поэзии, и в прозе создан образ Матери – женщины с сильным, негнимоемым характером. Обязательны для нее и верность, искренность, доброта, мудрость, преданность – характер в его национальном воплощении.

⁸⁰ Молданова Т.А. Средний мир Анны из Маланга // Северная книга: сборник. - Томск: Томский региональный отдел по социально-экономическому развитию районов Севера, 1993. С. 71.

⁸¹ Айпин Е.Д. Река-в-январе: Сборник рассказов. – СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 62-63.

Образ Возлюбленной

Образ Возлюбленной лежит в основе немногочисленной интимной лирики хантыйских поэтов, поэтому особенно интересен. Образ Возлюбленной пытались создать в своем творчестве В.С. Волдин, М.И. Шульгин, М.К. Вагатова, Р.П. Ругин.

Поэтическое наследие В.С. Волдина известно читателю по книге «Так Молупси» (1998). В книге представлены произведения на хантыйском и русском языках, русскоязычные произведения – это литературный перевод лирики поэта. Образ Возлюбленной создается Волдиным в стихотворении «Мы с тобой» в переводе Н. Касьянова. Образ «милрой» для лирического героя связан с окончанием долгих поисков: «Я тебя искал, тебя я ждал / И, глазам не верю, повстречал!». ⁸² Неожданность встречи вызывает трепет в сердце героя. В стихотворении видим и детали внешнего облика возлюбленной:

*Милая стройна и смуглолица,
Но боюсь к тебе я наклониться.
В мыслях нежно за руку беру,
Сердце, будто ветка на ветру
Птицею в моей груди взметнулось:
Ты его дыханием коснулась.* ⁸³

Робость лирического героя рождает молчаливый разговор сердец. Волдин употребляет в стихотворении хантыйское местоимение первого лица двойственного числа «Мин», которое является объединяющим началом двух героев, началом рождения любви:

*Осмелев, тебе сказал я, - Мин.
Мы вдвоем, ты видишь – мы с тобой!..
Так вот и пришла ко мне любовь.* ⁸⁴

В книгу «Так Молупси», изданную после смерти В.С. Волдина, вошел и цикл «Ханты эви, ханты ими» («Хантый-

⁸² Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. С. 33.

⁸³ Там же. С. 33.

⁸⁴ Там же. С. 33.

ская девушка, хантыйская женщина»), получивший название по одноименной поэме автора на хантыйском языке и включивший пять стихотворений и саму поэму. В стихотворении «Вурты нангкар вурты нэ» («Крепкая женщина, похожая на лиственницу») в переводе А.А. Шияновой видим образ Возлюбленной, способной пленить сердце лирического героя, созданный на ассоциативных параллелях с природой:

*Белой ели белая девушка,
Мое сердце волнует,
Красной коры лиственницы румяная девушка,
Моему сердцу отрада.* ⁸⁵

Стихотворение «Пант елпийн» («Перед дорогой») – это монолог влюбленного. А.А. Шиянова перевела его на русский язык. Лирический герой растерян нахлынувшими чувствами, заворужен красотой возлюбленной, робок и несмел, стеснителен. Однако жизнь без любимой тяжела для героя, отсюда и утверждение: «Мне нужна ты...<...>». ⁸⁶ Влюбленный готов подарить возлюбленной мир: «Все небо тебе отдам». ⁸⁷ Внешняя красота возлюбленной не делает героя счастливым, поскольку нет и намека на ответные чувства. Неизвестность рождает в душе влюбленного вопросы-стоны измученного сердца и разума:

*Зачем ты руку мне дала?
Красивое лицо твоё я увидел,
И сразу в сердце попало.
Зачем жизнь мою тяжелой сделала?* ⁸⁸

В государственном архиве ХМАО-Югры среди рукописей поэта есть стихотворение «Любимой женщине» на хантыйском языке. А.Д. Каксин перевел его на русский язык. Вновь видим в стихотворении созданный образ Возлюбленной. Все мысли и чувства героя сконцентрированы на расставании с любимой: «Любимая женщина уехала, / Может быть я ее догоню». ⁸⁹

⁸⁵ Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. С. 101.

⁸⁶ Там же. С. 102.

⁸⁷ Там же. С. 102.

⁸⁸ Там же. С. 102.

⁸⁹ Волдин В.С. Мосты изгибом // Государственный архив ХМАО: Фонд 506, опись 4, дело 10, 19 оборот.

Лирический герой Волдина стремится удержать «любимую женщину». Отсюда рождаются упреки Оби в быстром течении, научно-техническому прогрессу, который подарил «быстрые теплоходы»:

*В старину жившие люди
На веслах в лодках ездили.
Теперь по родной Оби
Быстрые теплоходы ездят.
Почему ты быстро течешь, Обь,
Течение свое придержи?*⁹⁰

Интересна и сама форма произведения – песня, которую поет лирический герой, растворив настужь окно. Его песня сливается с утренним пением птиц:

*Песни птиц по утру
В моем доме слышатся.
Окна настужь раскрыл
Об Оби песню пою.*⁹¹

К образу Возлюбленной обратился и М.И. Шутьгин. В сборник «Благодарность» вошли пять стихотворений, в которых можно увидеть женский образ. Женский образ видим и в поэме Шутьгина «Макар Осьмаров», есть несколько стихотворений, где появляется мотив любви и сопутствующие ему образы и в сборнике «Мави Ас» («Медовая Обь»). Стоит отметить, что эмоциональное состояние влюбленных поэт выражает в улыбке: «И встретишь улыбку влюбленных». ⁹² И любовь, и образ любимой женщины связаны у поэта с весной, как, например, в стихотворении «Май». Певцом любви становится жаворонок, да и природа уподобляется невесте. Четко выражено и стремление поэта стать певцом любви. В стихотворении «Жаворонок» находим подтверждение:

90. Волдин В.С. Мосты изгибом // Государственный архив ХМАО: Фонд 506, опись 4, дело 10, 19 оборот.

91. Там же, 19 оборот.

92. Шутьгин М.И. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. С. 21.

*Жаворонок песней над тайгою
Разбудил приобские края <...>
У черемух свадебные платья,
У цветов смородиновый глаз...
Как хочу певцом таким же стать я,
О любви, как он, звенеть для нас!*⁹³

Со стихотворением «Где ты бродишь?..» в лирике Шутьгина появляется мотив поиска возлюбленной. Создавая образ любимой, поэт использует контекстные синонимичные наименования «любовь, ласка, мечта» вместе с троекратным повтором притяжательного местоимения «моя», детали портрета: «Золотые глаза твои.../ <...> Твои руки, как два крыла, / Твои губы, как лепестки...». ⁹⁴ Образ Возлюбленной, рожденный на ассоциациях, сравнениях, – плод тревожного сна героя: «Тебя вижу / В тревожном сне <...>». ⁹⁵ Сон и реальность противопоставлены в стихотворении. Реальность не приносит герою счастья, он все еще находится в поиске возлюбленной, хотя его чувства вполне определены: «Я любовь к тебе / В сердце ношу». ⁹⁶ Отсюда и тоска, и неуспокоенность героя в жизни:

*Без тебя мне не жить –
Маята. <...>
Ты с ума меня напрочь свела,
И сгораю я
От тоски!*⁹⁷

Поиск возлюбленной вновь связан с весной. Местом встречи становится сад, в котором поют соловьи. Песне соловья вторит и влюбленный герой. Его песня-просьба усиливается глаголами-обращениями «услышь, откликнись».

Обретение возлюбленной наделяет героя силой. Страшным же на наказанием становится расставание с любимой.

93. Шутьгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Ветринов Н.Н. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 93.

94. Шутьгин М.И. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. С. 22.

95. Там же, С. 22.

96. Там же, С. 23.

97. Там же, С. 22-23.

Поэтому влюбленный преодолевает любые трудности, которые встают на его пути к дому любимой женщины. В стихотворении «Пусть мороз...» находим подтверждение этому:

*Мне, привыкшему к стуже,
не страшно без солнца,
Не расстаться бы только с тобой! <...>
Сквозь пургу, сквозь мороку сумею пробиться
В твой, за синими далями, дом.⁹⁸*

Дом становится местом обретения счастья с любимой в лирике Шульгина. Поэтому закономерна повторяемость мотива строительства дома для любимой – места познания счастья и создания новой семьи. Интересно, что и место и сам дом, вызывают ассоциативную параллель с русским фольклорным образом белокаменного терема, в котором живет краса-девица. В стихотворении «У реки...» читаем:

*У реки с водой студеной
Место выбрал я для дома –
И четырехстенный дом
На сухом лесном откосе
В этот год срубил из сосен.
Мы живем с любимой в нем.
Он белеет на откосе,
А вокруг шумят березы...⁹⁹*

Снова видим улыбки влюбленных в стихотворении «Дочь народа»: «Улыбается / Она. / Тоже, видно, / Влюблена».¹⁰⁰ Это едва ли не единственное стихотворение в творчестве Шульгина, в котором отражены ответные чувства возлюбленной и в котором хорошо просматривается облик героини. При создании портрета героини, Шульгин не прибегает к глаголам, минимизированы и прилагательные. Однако образ не стал менее художественным:

⁹⁸ Шульгин М.И. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. С. 66.

⁹⁹ Шульгин М.И. Мави Ас. Меловая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 78.

¹⁰⁰ Шульгин М.И. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. С. 72.

*Платье красное,
Как флаг.
Очи ясны,
Легок шаг.
Обувь ладная
На ней
Нет стройней
И нет умней!
Тяжела
Ее коса,
Но нежна
Ее краса.
Щеки пышут –
Маков цвет,
Краше нет,
Добрее нет.
Бровь не бровь,
А рог луны.¹⁰¹*

В стихотворении подчеркивается не только внешняя красота, но и ум, и внутренние качества (доброта) возлюбленной. Все это приводит к логическому заключению, которое делает поэт: «Парни в деву / Влюблены».¹⁰² Стоит отметить и частушечный ритм стихотворения. Тот же ритм доминирует в стихотворении «Рыбачка», в котором видим портрет «сибирячки», способной вскружить голову, заставить влюбиться, но при этом самой ответных чувств не испытывать: «Ты любить неставишь можешь, / А сама не влюбишься».¹⁰³ Обращают на себя внимания и обращения к девушке, которые использует поэт в стихотворении «девушка-рыбачка», «гордьячка-сибирячка». Они указывают и на профессиональную сферу деятельности девушки, и определяют ее место территориально, и подчеркивают ее характер:

¹⁰¹ Шульгин М.И. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. С. 71-72.

¹⁰² Там же. С. 71-72.

¹⁰³ Шульгин М.И. Мави Ас. Меловая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 177.

Не дают покоя мне
 Косы твои длинные.
 Часто вижу я во сне
 Брови соболиные.
 Руки, словно крылья птицы.
 Ловкие и быстрые.
 Ты работать мастерица –
 Пред тобой не устоять.
 Запоешь и заморозишь,
 Просто залюбуешься.
 Ты высокая и статная.
 В дом ты счастье принести стремишься.¹⁰⁴

Создавая образ Возлюбленной, поэт выделяет не только внешность девушки, но и ее качества как хозяйки дома, предполагаемой спутницы жизни лирического героя. Поэт попытался создать образ совершенной возлюбленной, в котором бы гармонично сочетались все женские достоинства и умения. Женский идеал связан с категорией счастья. Эталон далек от реальности, на это указывает и видение возлюбленной во сне. На вымышленность, сказочность образа указывает и используемый поэтом глагол «заморозишь».

Сравнение юной девушки с красным солнышком видим в стихотворении «Милые наши девушки...». Интересно, что рядом со словом «красавицы» Шульгин употребляет два эпитета – «милые, славные», которые характеризуют неброскую, экзотическую внешнюю красоту, а скорее подходят для описания спокойной, внутренней привлекательности женщины. Такое утверждение подтверждается и сравнением женщины с цветком. Шульгин сравнил юную красавицу с полевым цветком, который увядает, «осыпается», будучи разлученным с родной землей. Печать изменений ложится и на внешность, меняется и внутренняя составляющая. Используя антитезу, поэт показывает изменения, которые происходят в женщине:

104 Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 177.

С родной землей разлученные,
 Словно бы осыпаются.
 Блекнут глаза и губы их,
 Перегорают мечты.
 А на родной сторонкушке
 Каждая – красное солнышко.¹⁰⁵

Чаще же возникает в любовной лирике Шульгина уподобление Возлюбленной лесной фее из древних хантыйских сказов. Интересно, что этот образ входит в сознание героя через сон. Такое восприятие возлюбленной видим в стихотворении «Девушка-сон». Создавая образы влюбленных, поэт использует сравнения из мира природы, а единство героев подчеркивает местоимением «мы». Да и само ощущение рождения любви, и образ Возлюбленной возникают в стихотворении через сон солдата, который, проснувшись, уверен, что «Сбудутся чистые сны!»:

Мы – словно чайки с тобой острокрылые,
 Мы – как олени весною пышной.
 Я называю тебя: Мишинэ...
 Вот и догнал! Ты напрасно скрываешься!
 К счастью нас выведет эта тропка.
 Ты, как ромашка, ко мне склоняешься.
 Ты, как ромашка, – робкая...¹⁰⁶

Подобная параллель Возлюбленной с лесной феей встречается и в поэме «Макар Осьмаров»:

Он фею светлоглазую искал...
 Она входила в жизнь его во сне –
 Под сенью кедров, лиственниц и вязы,
 Простая фея из хантыйских сказов.

105 Шульгин М.И. Благодарность. Стихи. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. С. 33.

106 Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 250.

*Красивая и верная Мишнэ.
Он слышал шелест девичьей косы,
Ее шаги в таежном отдалении!
Ее глаза – в прозрачности росы
И приближение – в поступи оленьей.¹⁰⁷*

Стоит обратить внимание и на цвет глаз возлюбленной (они светлые), поскольку у всех остальных хантыйских поэтов цвет глаз любимой сравним с цветом ночи.

Тоска о любви и поиски возлюбленной приводят героя поэмы Шульгина к встрече с «феей яснолицей»:

*Но как-то раз Макар столкнулся с ней –
В тайге, случайно, с феей яснолицей,
И стало сердце биться чуть сильнее,
Как бьется в клетке пойманная птица.
Он наконец-то встретился с мечтой,
Что мнилась ему в поступи оленьей.
Он встретился, идя родной тайгой.
С девчонкой из соседнего селенья.
Она была легка, как небеса, <...>
Она была ловка, как росамаха,
Стекала по плечу ее коса. <...>
И пела песню добрую она,
И пела так, что лес напрягся немо,
Ее словам внимала тишина,
И жаворонки, смолкнувшие в небе.¹⁰⁸*

Поэт обращает внимание и на внешность возлюбленной, и на ее голос, не случайно ее «доброй песне» внимает окружающий мир и природа.

Повествуя о чувствах героя поэмы, Шульгин соединяет образ Возлюбленной с образом земной женщины. Иллюзорное восприятие возлюбленной нарушается воспоминанием о

¹⁰⁷ Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 199.

¹⁰⁸ Там же. С. 199-200.

давнем знакомстве и тяжелом женском труде. Да и из феи она переходит в статус «девчонки голенастой»:

*Девчонка голенастая, – навоз
Она зимой когда-то убирала,
И не было еще тяжелых кос,
Тугая бровь так славно не играла. <...>
...Прошло, наверно, семь иль восемь лет
С момента их последнего свиданья.
Она теперь красива и горда,
Ей не страшны невзгоды и напасти,
Ее судьба – судьба родного края <...>¹⁰⁹*

Тоску солдата по оставленной возлюбленной видим и в стихотворении-посвящении Шульгина «Любимой». Мотив ожидания встречи с любимой, исполнение заветных желаний проходят лейтмотивом через все произведение. Необычное обращение лирического героя к возлюбленной выделяется в стихотворении – «тучка белоснежная». Для выражения чувств влюбленного поэт использует форму песни, слова которой, подобно водам ручья, несут его чувства в возлюбленную. Ручей и песня становятся связующими звеньями влюбленных:

*Я пою одной тебе
Песни свои нежные,
И бегут они к тебе,
Как ручьи журчащие,
И несут они тебе
Чувства настоящие.¹¹⁰*

Интересно восприятие образа возлюбленной в лирике М.К. Вагатовой (В ее поэтическом творчестве представлена целая галерея женских образов). Ярко образ возлюбленной воплотился в стихотворении «Вы белый лебедь взгляду моему». Перевод на русский язык представила Г. Слинкина. Образ любимой создан через эмоционально-чувственное восприятие влюбленного. Чувства героя безответны, отсюда и смирение,

¹⁰⁹ Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н.И. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2009. С. 200.

¹¹⁰ Там же. С. 173.

*Чем и как ты успокоишь?
Высокий мужчина, красивый мужчина,
Зачем ты встретился мне?
Человек с высокой большой душой,
Зачем ты меня нашел?*¹¹⁸

Возлюбленная как идеал, как объект поклонения сближается с образом музыки. Музыка всегда вдохновляла поэтов на творчество. Последние же в свою очередь посвящали им свои произведения. Не исключение и М.К. Вагатова. В ее поэзии можно встретить посвящения Е.Г. Харанзеевой, Е. Шмидт и др. Своеобразное воплощение музыки можно увидеть в стихотворении «Аннэ», посвященном А.М. Коньковой. Произведение носит биографический характер. Поэтесса воссоздает образ женщины с нелегкой судьбой, у которой была одна цель – сохранить красоту земли и мудрость народа, поэтому ее имя осталось в народной памяти: «О, Аннэ, ты народу по доброму нраву...».¹¹⁹ Жизнь этой женщины стала образцом. Автор делает сознательный выбор – продолжить начатое Аннэ, стать ее учеником, приемником. Отдельные строки звучат клятвой верности избранной стезе:

*Жизнью битая,
Все ж не живу я обидой,
Хоть, Аннэ, постоянной и твердой слышу <...>
Пусть доля на боли обильная,
Все я вынесу, ибо, лелея свое,
Постаревшее –
Неутомимо и сильно
Вьется, как у ребенка, сердце мое <...>
Как в ковер, я вплетаю, родная природа,
Твои теплые краски,
Их чудом дышу,
Все семь образов жизни,
Семь духов народа
Манси –
В сказках своих я опять воскрешу.*¹²⁰

118 Вагатова М.К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2002. С. 73.

119 Литература Югры. 1930-2000. Поэзия. Антология. Ч.1. /сост. Н.И. Коняев. – Лысье: Унисерв, 2001. С. 127.

120 Там же. С. 126 – 127.

Автор трансформирует образ музыки, поскольку в нем можно выделить черты образа женщины-вдохновительницы и образа творца, создателя. Примечательно, что последняя позиция более осознанна и мотивированна у поэтессы: «В моем сердце вся природа, / Добрый нрав и ум народа».¹²¹ В стихотворениях неоднократно звучит четкое понимание правильности выбранного пути – стать поэтом, носителем знания и трибуном народного гласа. Поэтесса сознает всю силу поэтического слова и его значение.

*В ритмах сердца и устно, и письменно
Я к народу лечу моему,
Ибо слово рождается истинной
Женской доли в таежном краю.
Оттого и крылатою стала
Негромкая песня моя,
Но куда бы она ни летала –
Возвращается в наши края.
Никогда никого не обижу
Здесь, где звуки любви родились,
Где я в сердце ношу все, что вижу,
Что песнею названо: жизнь!*¹²²

Образ Возлюбленной гармонично вошел и любовную лирику Р.П. Ругина. Н.В. Цымбалистенко в издании «Север учил ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина)» (2008) пишет: «Роман Ругин пишет о странностях и превратностях любви, о вечном борении любви и страха потери возлюбленной, измены, боязни потерять себя, нарушить нравственный императив, с которым нередко не хочет считаться сердце. <...>

Женщина ассоциируется в поэзии Р. Ругина с животворящей музыкой, которая существует рядом с поэтом, в некой виртуальной реальности сна, в мыслях, в творческих фантазиях. Она – ветер, парус надежды, жаркий ливень, поющий снегирь, таинственный и ослепляющий туман, лесная фея...<...>

121 Вагатова М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2002. С. 16.

122 Там же. С. 31.

Одна из важнейших черт любовной лирики Романа Ругина связана с характеристикой его идеала. Все любящие и любившие, по мнению поэта, - творцы. Только творцу-влюбленному даруется внутренняя свобода. Но в то же время любовь, управляя человеком помимо его воли, выламывается из повседневности и не вмещается в судьбу. Личность лирического героя, плененного любовью, вырастает до масштабов космических и в то же время отличается конкретностью чувства индивидуального человека с неповторимой биографией души. <...> Только влюбленным доступно некое высшее знание о мире, в котором происходит их самораскрытие. Идеал любви слишком хрупок, слишком нежен, обречен на физическую гибель и оттого еще более любим». ¹²³

В стихотворении «Обычай» поэт в древнем ритуале выделил представления хантыйского народа о девичьей красоте:

*Если дочь – березка постройнее
Выбиралась неспроста:
В жизни пусть не расстаются с нею
Стройность, нежность, красота.
Чтобы льнули к ней, другим на зависть,
Парни, сердцем горячи,
Чтобы взгляды их ее касались,
Как листья – лучи.* ¹²⁴

Любовь лирического героя в поэзии Ругина сравнима с безграничной свободой. Стихии природы не властны над влюбленными. Не случайно поэт сопоставляет ветер и любовь. Чувство влюбленности рождает ощущение единения с любимой, которое несет тепло и светлые эмоции:

*Чуть подумал – потеплело,
Посветлело на душе.
И в груди любовь запела:
«Я с тобой! Я здесь уже!».* ¹²⁵

¹²³ Цымбалистенко Н.В. Север учил ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина). – Салехард: Красный Север, 2008. С. 21-22.

¹²⁴ Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 171.

¹²⁵ Там же. С. 274.

Как и М.И. Шульгин, Р.П. Ругин связывает рождение любви с весной. В стихотворении «Весна» поэт утверждает, что «<...> с пришествием весны / Со всей природы снят обет безбрачия». ¹²⁶

Чаще всего образ Возлюбленной в лирике Ругина видится глазами влюбленного. Так, в стихотворении «Пусть, что мне осталось, - все короче...» используется тот же прием. Ключевой деталью облика возлюбленной становятся глаза. Синонимом глаз в стихотворении выступает и их архаичное наименование – «очи». Поэтически описывается и цвет глаз возлюбленной. Ругин использует сравнение и антитезу:

*Но глаза твои – таежные две ночи – <...>
Черные – а светят! Что за чудо! <...>
Летом и зимой, везде и всюду
Ярче света солнечного дня. <...>
Вновь тону в твоих очах-ночах. <...>
Не могу покинуть никогда я
Эту чернь и глубь, мою тайгу.* ¹²⁷

Верность возлюбленной, взаимность чувств объясняют уверенность героя в том, что свет глаз любимой предназначен только ему. Свидетельством этого выступают годы, которые изменили облик влюбленного: «Волосы, как ягель, поседел, / Грузом – возраст на моих плечах», ¹²⁸ но не изменили его чувств. Воспоминания возвращают влюбленного к первой встрече с любимой, помогая вновь пережить состояние влюбленности, уподобляемое «грозовым волнам» с которыми столкнулся «неопытный пловец»:

*То взлетал на гребень я, то круто
В глубину бездонную летел.
Но при всем при этом ни минуту
Выбраться на берег не хотел.*

¹²⁶ Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 275.

¹²⁷ Там же. С. 278.

¹²⁸ Там же. С. 278.

*Как не стыдно в этом признаваться,
Вздумай кто-нибудь меня спасти,
Я руками стал бы отбиваться,
Я ногами стал бы отбиваться,
Ты меня, спаситель мой, прости!*¹²⁹

Закономерен и вывод, к которому приходит лирический герой: «Видно, только так вот – погибая! - / Жить с тех пор на свете я могу».¹³⁰ Это утверждение определяет жизненный приоритет влюбленного.

Глаза как воплощение образа возлюбленной видим и в стихотворении «Ночные глаза». Именно они являют тайну лирического героя. Опять видим вполне конкретное указание на цвет глаз, в которых влюбленный «запропал» навсегда и остался их пленником. Да и само обращение «черноглазая» указывает на это. Вновь встречаем и чередование наименований «глаза – очи»:

*А глаза любимые –
Две таежных ночи! <...>
Но во век не выбраться из ночных очей.*¹³¹

Подчеркивается не только цвет глаз любимой, но и их красота и глубина.

Иное восприятие Возлюбленной в стихотворении «Красивая женщина». Образ Возлюбленной – полуиллюзия-полу-реальность. Сравнения возлюбленной подчеркивают ее непостоянство, изменчивость:

*Все чаще ты в мысли приходишь мой,
Я вижу: спускаешься вниз от селенья,
И волосы в воздухе пляшут твои.
Как крылья иль вихрь от упряжки оленьей.
Порою как ветер врываешься вдруг*

¹²⁹ Рутин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 278.

¹³⁰ Там же. С. 278.

¹³¹ Там же. С. 303-304.

*И – парус надежды упруго надувши,
Умчишь мое сердце в долину разлук,
Гоня, словно легкую лодку, а душу.
Раскрытую настежь, оставишь одну.
То жаркого ливня обрушишь волну, -
В минуту тобой я пропитан насквозь
Настолько – хоть выжми до капли и брось.
Порою поющим слетишь снегирем.
Уютно устроишься в сердце моем –
Пушистый и мягкий комочек тепла.
И словно зимою весна наплыла.
Ты сходишь туманом – густым и тягучим.
И я, ослепленный, не знаю, как лучше
Пройти мне к тебе, обернуться куда?
Где след твой искать и как долго блуждать?*

Изменчивость любимой вселяет неуверенность в героя. Нет уверенности в ответных чувствах, поэтому и появляется ощущение опустошенности, безнадежности: «Быть может, в тумане у бездны стою, / Ловя в безнадежности руку твою».¹³²

Уподобление возлюбленной «тонкой лесной фее» объясняет колдовские чары, которые отнимают силы у лирического героя, питает его надежды: «Но разве найдешь в себе силы уйти, / Когда ты собой затмеваешь пути».

В стихотворении появляется и мотив разлуки, потери возлюбленной:

*Когда ж ухожу – ты приходишь ко мне,
Как легкая зыбь на смиренной волне.
Так, стало быть, чтобы своею назвать,
Я должен тебя навсегда потерять.*¹³³

Смирение становится ключевым качеством возлюбленной, проявляются ответные чувства, когда возникает опасность расставания с влюбленным.

¹³² Рутин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 280.

¹³³ Там же. С. 280.

Сравнение возлюбленной с угольком, который упал в сердце и зажег «в нем навек нестерпимое пламя», находим в стихотворении Ругина «Вновь следы мои смыло волною с песка...». В образе возлюбленной вновь выделяются глаза. В глазах любимой сконцентрированы жизненные силы лирического героя:

Вновь глаза твои вижу.

Они мне нужней

*Родниковой воды и насущного хлеба.*¹³⁴

Ключевые настроения лирического героя обозначены уже в первой строфе стихотворения:

Снова в сердце моем и печаль, и тоска,

*Снова имя твоё обжигает мне губы.*¹³⁵

Стоит обратить внимание и на тот факт, что у возлюбленной появляется имя, которое известно только лирическому герою. Имя любимой как заклинание повторяет влюбленный и губами, и сердцем в данном стихотворении Ругина:

Твое имя шепчу, и слова, как лучи

*Обжигают опять мне и сердце, и губы.*¹³⁶

Вновь находим упоминание имени возлюбленной в стихотворении «Хоть сердце томится в моей груди...»: «Красивой бабочкой по цветам / Порхает родное имя».¹³⁷ Интересно, что в данном стихотворении имя возлюбленной сокрыто лирическим героем, как запретны и чувства влюбленных:

Ведь у тебя твой хороший муж

И дети тебя согреют.

И сам я женатый давно.

К тому ж

*Я тоже детей имею.*¹³⁸

Любимая женщина появляется и в стихотворении «Память – расстояний одоленье...». Явление возлюбленной лири-

¹³⁴ Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 298.

¹³⁵ Там же. С. 298.

¹³⁶ Там же. С. 298.

¹³⁷ Там же. С. 300.

¹³⁸ Там же. С. 300.

ческий герой поэтически сравнивает со «вспышкой незабытой красоты», с прилетающим снегирем, с бешеным ветром, с густым туманом. Каждая встреча несет новые эмоциональные переживания влюбленному: то в груди теплеет, то следует влечению сердца, то блуждает в «<...> мире этом странном, / Ни тропы не видя, / Ни небес».¹³⁹ Какие бы сомнения не терзали лирического героя: «Может быть, уже и понапрасну / Счастья нить держу в своей руке? / Как узнать?», тем не менее думы и мечты его о любимой. Не случайно в последней строфе стихотворения четко обозначена роль возлюбленной в его жизни – она и лесная фея, и солнце:

Но только все теплее

О тебе и думы, и мечты.

Как легки шаги таежной феи! –

Это ты.

*И солнце – тоже ты.*¹⁴⁰

Любовь не бывает без испытаний, ссоры между влюбленными подобны шторму на реке, который поднимает волны, бушует и затихает, успокаивается. Рассерженную возлюбленную и запечатлел Ругин в стихотворении «Ох, как бываешь порою сердита...». Интересные сравнения любимой женщины в минуту гнева использует поэт, опять же акцентируя внимание на глазах:

Ох, как бываешь порою сердита –

Яд и стрела, и гроза!

Словно бы корочкой льдистой покрыты

*Эти родные глаза.*¹⁴¹

Образ Возлюбленной, «брезгливо» отвергнувшей чувства влюбленного, видим в стихотворении Ругина «Неразделенная любовь». «Нелегкая доля» любви лирического героя, переполненное болью сердце, «воспаленный мозг» возвращали любовь, переросшую в восхищение-поклонение возлюбленной:

¹³⁹ Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 301.

¹⁴⁰ Там же. С. 301-302.

¹⁴¹ Там же. С. 299.

Те слова –
 Любовь свою и муки –
 Я готовил для единой цели,
 Чтоб они тебя, как солнца руки,
 В нужный миг на холоде согрели.
 Чтоб они сгорали, как поленья,
 Сблизив расстоянья между нами...¹⁴²

Безответная любовь выливается в крик души влюбленного, и поселяется болью глубоко в сердце:

Неужели я тебя не стою
 И чужие в мире наши души?
 Никакой арканною петлею
 Эту боль на сердце не задушишь...¹⁴³

Отвергнутые возлюбленной чувства – это не только мука лирического героя, это еще и источник его песен, которые рождаются спустя годы и разрушая расстоянья.

Таким образом, видим, что образ Возлюбленной – это неотъемлемая часть любовной лирики хантыйских поэтов. И в поэзии В.С. Волдина, и стихотворениях М.И. Шульгина, и в лирике М.К. Вагатовой и Р.П. Ругина возлюбленная воплощается чаще всего через лирического героя, его переживания, ощущения, чувства. Эмоциональный фон, сопровождающий образ Возлюбленной, тоже весьма традиционен: от влюбленности, поклонения до печали, тоски, боли и муки. Когда возлюбленная возведена на пьедестал, она сближается с образом музы, и это отражено в лирике Вагатовой.

С образом Возлюбленной в любовной лирике хантыйских поэтов появился мотив поиска возлюбленной. Наличие этого мотива не случайно. Условия жизни на Севере, территориальная разобщенность семей и родов ханты вынуждали мужчин брачного возраста искать спутницу жизни, помощницу и хозяйку в дом, так как близкородственные браки были под запретом. В фольклорных произведениях встречаются

¹⁴² Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2004. С. 302.
¹⁴³ Там же. С. 303.

упоминания о том, что иногда женщина становилась не только главным трофеем, но и причиной войны или набега. В работе «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям» С. Патканов пишет об этом: «Главной причиной войн было, как мы знаем, желание князей добыть себе жен, которых они не могли искать среди жительниц своего города. И этой одной причины, помимо других, было достаточно, чтобы в стране Остяков велись почти непрерывные войны между отдельными князьками, если принять во внимание, что между представителями каждого остяцкого княжеского рода числилось несколько лиц мужского пола и что богатыри имели часто несколько жен».¹⁴⁴ В монографии Е.П. Мартыновой «Очерки истории и культуры хантов» (1998) так же упоминается об этом: «В легендах нижнеобских хантов хурун ёх предстают воинственными людьми, совершающими набеги с целью грабежа, захвата оленей, похищения женщины».¹⁴⁵ Здесь же автор приводит легенду, которая бытует среди шурышкарских ханты, и служит еще одним свидетельством, подтверждающим правоту нашего вывода: «Все легли спать, оставив в дозоре девочку и только что просватанную девушку. Ночью на лодках хурун ёх близко подплыли и закричали, словно утки <...>. Девочка услышала их крик и говорит девушке: «Давай разбудим наших людей!». Та отвечает: «Не надо будить, это утки кричат». Она слышала, как вождь хурун ёх говорил: «В красном платье женщина моей будет», и захотела стать его женой».¹⁴⁶

Этническими особенностями можно объяснить и еще одну закономерность в образе Возлюбленной – отсутствие портрета. Чаще всего встречается с поэзии лишь указание на глаза. В хантыйской культуре существует обычай (обряд избегания): женщина должна закрывать от мужчины лицо платком. Поэтому и у возлюбленной нет лица, а воспеваются ее глаза, режа походка, то, что доступно и обозримо.

¹⁴⁴ Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб., 1981. С. 62.

¹⁴⁵ Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: изд-во РАН, 1998. С. 101.

¹⁴⁶ Там же. С. 102.

В хантыйской прозе образ Возлюбленной — столь же редкое явление, как и в поэзии. Писатели черпают духовные силы у природы. Поэтому в представлении человека красота связывается с природой. Женщина, как и природа, начало созидательное, отсюда и тесное, открытое общение женщины и природы. Пример этого видим в рассказе Г.Д. Лазарева «Гусь-сиротка»: «Спускаясь с пригорка, женщина произнесла:

— Мантымин, мантымин! (поехали, поехали!)

Гусь в ответ громко загоготал. Мария Николаевна раскинула руки в стороны, замахала ими и засеменила к речке. Гусь тоже замахал крыльями, вытянулся на лапах и поднялся в воздух. Сделав круг над берегом, загоготал, полетел за лодкой, уходившей вверх, против течения. Он то залетал вперед лодки, то возвращался, летел над ней и все что-то наговаривал. А снизу ему отвечала хозяйка:

— Мантув, мантув! (едем, едем!) Они понимали друг друга»¹⁴⁷ или в рассказе Е.Д. Айпина «Лебединая песня»: «Девушка лежала в тепле спального мешка и слушала лебедей. Слушала так долго и внимательно, что стала понимать эту минорную музыку осени: до нее ясно доходило то, что играли лебеди и мысль, что ей доступен язык этих гордых птиц, радовала ее. Никто еще не понимал языка птиц»,¹⁴⁸ «<...> крик полный отчаяния и безысходной тоски, он был на тон выше всех звуков. Будто птица забирается высоко — высоко в заоблачные выси <...>. Это плакала раненая лебедица. Сколько тоски, сколько грусти и надежды, от этой песни бросало в дрожь. Девушка закрыла ладонями уши. Но и с закрытыми ушами она слышала лебединую песню. Последнюю, прощальную. <...> Песня безжалостно пробивалась к ней, звала далеко-далеко, в неведомую страну, где все не так, как на этой земле».¹⁴⁹

Образ Возлюбленной тесно переплетается с образом земной женщины, что порою их трудно разграничить в прозе Р.П. Ругина. Героини Ругина за единичным исключением портрет-

¹⁴⁷ Лазарев Г.Д. Гусь-сиротка // Эрнтур. — Ханты-Мансийск: Эрнтур, 1997. С. 21.

¹⁴⁸ Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: роман и рассказы. — М.: Русло, 1993. С. 50.

¹⁴⁹ Там же. С. 55.

но обезличены, если же и присутствует описание внешности, то оно указывает на характер героини, раскрывает ее внутренний мир, например, способность на сильные чувства: «Она вытерла мокрые веки, провела рукой по своим пушистым, похожим на мех черно-бурой лисицы волосам и погляделась в небольшое овальное зеркало, висевшее на стене. Желтоватое стекло отразило чистый овал лица, полные смятения живые темные глаза и чуть широковатый, курносый, как у выездной нарт, нос. Туньда была недовольна своим носом и не очень доверяла красивым словам, которыми ее называли в Шурышкарах — «Лонгхитам юх хорпи» — «Девушка, похожая на березу без единого сучка». Но что ей нравилось на собственном лице — так это брови! Оленьими рогами они гордо взмывали вверх на ее гладком, хоть и не слишком высоком лбу. Брови говорили о ее характере — неужели дома не видят, что он у нее есть?».¹⁵⁰

В стремлении быть счастливой, ради любимого человека они могут нарушить существующие в народе запреты, пойти против традиций. Такие решительные поступки женщины видим в повести «Сорок северных ветров»: «А Таясь, взяв Арсина за руку, шла с ним к дому его родителей с гордо поднятой головой, без платка — она первой в их селении нарушила вековой обычай, по которому женщина не имеет права появляться на улице с открытым лицом...»,¹⁵¹ в рассказе «Сватовство»: «Руки у Туньды дрожали, но начатое надо было доводить до конца. Вдохнув полной грудью морозный воздух, она рывком открыла двери и вошла в дом.

Здесь всю разворачивалось праздничное застолье. <...> Гости, обо всем договорившиеся с хозяевами, благодарили, расстегнув верхние пуговицы своих рубашек.

Гостеприимство — закон северян, и нелегко было Туньде его нарушать — ох, нелегко! — но все же она встала посреди комнаты и сказала:

— Я не стану женой вашего сына!

¹⁵⁰ Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. — Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 415.

¹⁵¹ Ругин Р.П. Избранное: повести. — Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 295.

— Замолчи! — вскочил со стула отец. — Сейчас же замолчи!

— Не стану!». ¹⁵²

Героиням Ругина свойственна и жертвенность. Ради счастья любимого они готовы забыть о собственных чувствах, мечтах, как героиня повести «Сорок северных ветров»: «Может, тебе оставить меня, Арсин? <...> Ну... другую возьмешь. Которая родить сможет». ¹⁵³

Автор сочетает в образе женщины жертвенность и сильные эмоции. Героини способны на сильные, глубокие, непреходящие чувства. И это не только нежность, любовь: «Унтари вполне дружелюбно приветствовал бывшую одноклассницу, ничуть не подозревая, в какие горячие бездны повергало Лонгхитам юх хорпи обычное «Здравствуй!».

Впрочем, иногда Туньле казалось, что в его взгляде, направленном на нее, теплится какой-то особенный огонек. Тогда она ликовала: «Я ему нравлюсь!»

Иногда, наоборот, ей чудился холод. И по ночам она плакала, уткнувшись курносый носом в пуховую подушку: «Он ко мне безразличен!»

Кого в восемнадцать лет не сжигают подобные страсти? Туньла была переполнена своей тайной — во все цвета радуги эта тайна окрашивала жизнь — и берегла ее пуще зеницы ока. <...> А ей уже было тепло. Впервые за долгое время их знакомства она открыто, прямо посмотрела ему в глаза. И он не отвел взгляда.

Это была минута, которой ей не забыть!

Кругом все еще неистовствовала гроза, а в душе у Туньлы на мгновение воцарились светлая тишина и покой.

«Он любит меня, — подумала она. — Как же иначе? Ведь никто не приплыл сюда за мной — только он и отец. Любит, любит, любит!», ¹⁵⁴ но и ненависть, злость: «Он мою жизнь иско-

¹⁵² Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. - Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 428.

¹⁵³ Ругин Р.П. Избранное: повести. - Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 302.

¹⁵⁴ Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. - Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 419-420.

веркал, твою <...> Ох!.. У меня в груди сейчас, наверно, огнем горит...». ¹⁵⁵

Писатель показывает взаимопомощь, выручку, существующую в среде женщин, сострадание к чужой доле. В повести «Сорок северных ветров» Таясь, сохраняя неприязнь к Юхуру, сочувствует его второй жене Хорьяр: «Уж Хорьяр умоляла меня, узнав, что в сторону Ванды иду, чтобы зашла к ее родственникам, сказала, пусть, мол, за ними на Буране приедут. <...> Если б Юхур меня попросил — для него бы и пальцем не пошевелила. <...> Тоже, видать, намучалась крепко». ¹⁵⁶

Е.Д. Айпину удалось воплотить образ Возлюбленной в прозаических произведениях. Наиболее яркое развитие этот образ получил в рассказах книги «Река-в-январе». Как отметил А.В. Шаррен: «Изначальная, но не окончательная реальность сборника рассказов Еремея Айпина — этих интимных поэтических баллад, сонетов в прозе о непостижимой любви мужчины и женщины, о смелых чувствах Его к Ней, Ее к Нему, о счастье сбывшейся мечты, сжимающем горло, и о случившемся горе, испепеляющем душу. Небольшие по форме, но переполненные тайными откровениями и огнем эмоций». ¹⁵⁷

К образу Возлюбленной прозаик обращался и ранее в своих произведениях, что подтверждает устойчивость интереса автора к этому образу. Черты образа Возлюбленной видим в таких айпиновских героинях, как Дуняша в рассказе «Клятв-преступник», Маша в рассказе «Конец рода Лагермов», Марина в рассказе «Лебединая песня», тетя Вера, Надя в повести «В ожидании первого снега», Марина в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари», Маша и Мать Детей в романе «Божья Мать в кровавых снегах». В последнем сборнике рассказов «Река-в-январе» образ Возлюбленной воплощают Ирина в рассказе «В полете в бездну», Энн в рассказе «Ночь Маэстро», Селесте в «Река-в-январе», Вирджиния в «Парижанке».

Стоит отметить, что не всегда Возлюбленная у Айпина

¹⁵⁵ Ругин Р.П. Избранное: повести. - Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 314.

¹⁵⁶ Там же. С. 315-316.

¹⁵⁷ Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. - СПб.: ООО «МИРАДЛ», 2007. С. 5.

имеет имя собственное, часто автор в использует обобщенное наименование - «Она».

Характерной чертой айпиновского образа Возлюбленной становится таинственность, загадочность. В повести «В ожидании первого снега» Микуль думает о Наде: «Странная девушка. Стоишь рядом с ней, и каждый раз голова идет кругом. <...> Хорошо рядом с ней, но и страшно».¹⁵⁸

Закономерно стремление героя познать, постигнуть, разгадать тайну любимой в произведениях писателя: «Женщина знала больше. В женщине больше тайны. Он знал это».¹⁵⁹ Отсюда и возникшее у Айпина сравнение героини с лесной феей в рассказе «Полет в бездну»: «Ты напомнила мне лесную фею из сказки».¹⁶⁰

Образ Возлюбленной в прозе Айпина не конкретен, не свойственна ему и портретность, связанная часто с идеальной внешностью. В произведениях Айпина скорее стоит констатировать обратное. Автор использует условный портрет лишь в повести «В ожидании первого снега», говоря о тете Вере: «<...> лет сорока пяти, сухонькая и подвижная и по-девичьи легкая. Светлые выющиеся волосы собраны пучком на затылке. На лбу и вокруг полинявшей голубизны глаз прочно угнездились морщины <...>».¹⁶¹ Образ Возлюбленной строится на эмоционально-чувственном восприятии. Автор обращает внимание на отдельные детали внешности героинь, часто это глаза, волосы, губы, голос. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» читаем (о Марине - К.Е.): «Девушка стала поправлять платок. Он увидел тонкие пальцы и прядь волос цвета коры осенней лиственницы».¹⁶² Типично для Айпина и создание портретного описания с использованием флористических и ландшафтных сравнений. Восприятие дается на уровне ощущений: «<...> глаза – два бездонных озера. Можно

в них утонуть. Волосы – нежные иглы кедрочек. Ресницы – опушка на вершинке молодой елочки. Тело – что у гладкоствольной пихты. Без трепета невозможно прикоснуться»¹⁶³ или «Микуль не решался пошевеливаться: удивительные руки у этой девушки – пахнут свежей брусникой и солнцем, белым грибом и духами и еще чем-то родным и близким»¹⁶⁴ или «<...> ветер играл ее темными волосами как озерной водой. Невысокая, стройная, она похожа на хантыйскую девушку, только глаза огромные и голубые»¹⁶⁵ или «Она была такой же обнаженной, естественной, природной, как и океан»¹⁶⁶ «глаза – два бездонных озера. Можно в них утонуть»¹⁶⁷ «я окунулся в глубину твоих глаз».¹⁶⁸

Большое внимание Айпин уделяет глазам героинь, видимо, руководствуясь правилом, что в них можно выразить душу: «<...> но самыми выразительными на ее лице оставались глаза. Это два, с опять очень черной водой, огромных округлых озера, мечущие искры черного огня».¹⁶⁹

Впечатление призрачности, неопределенности образа Айпин создает с помощью описательных эпитетов: «Вирджинию нельзя назвать красавицей, словно капелька воды из родника».¹⁷⁰ Эпитеты дополняются эмоциональным восприятием, завороченным взглядом, музыкой голоса и игрой света тени: «Невольно повел глазами влево, потом вправо. И увидел ее. Девушку, тонкую, как тростиночка. Она была во всем светлом. И казалась совсем прозрачной. Сквозь нее как будто просвечивали воды Атлантики, накатывающие на песчаный пляж. И, возможно, посветлело от ее светлых одеяний. Вся она светлая. Светлый короткий костюм в редкую синюю крапинку.

¹⁵⁸ Айпин Е.Д. Река-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралт», 2007. С. 113.

¹⁵⁹ Там же. С. 64.

¹⁶⁰ Там же. С. 63.

¹⁶¹ Там же. С. 14.

¹⁶² Там же. С. 40.

¹⁶³ Айпин Е.Д. Река-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралт», 2007. С. 63.

¹⁶⁴ Айпин Е.Д. В ожидании первого снега: Повести. – Свердловск: Средне-Уральское изд-во, 1979. С. 104.

¹⁶⁵ Айпин Е.Д. Река-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралт», 2007. С. 18.

¹⁶⁶ Там же. С. 118.

¹⁶⁷ Там же. С. 63.

¹⁶⁸ Там же. С. 126.

¹⁶⁹ Там же. С. 187.

¹⁷⁰ Там же. С. 187.

Светлые волосы. Белое лицо. Не тронутые загаром руки. Не тронутые загаром ноги».¹⁷¹

Привлекательная черта в образе Возлюбленной – это способность на глубокие, искренние чувства. Многие героини Айпина не боятся выражать свои чувства, умеют по-настоящему верить, надеяться, любить. Стремление любить и быть любимой определяет жизнь героинь и их окружения, отсюда и закономерный вывод, сделанный писателем: «<...> хорошо заканчивать жизненные дни с любимым человеком».¹⁷²

Образу Возлюбленной свойственны грациозность и аристократизм во внешности и в манере поведения. Эти черты писатель связывает с происхождением героини в рассказе «Моя княжна»: «<...> с какой грацией Ты держалась на приемах. Как ты вела беседу. Как входила в зал. Как танцевала. Как садилась за стол и притягивалась к приборам. Словом, влекло все то, что никаким образованием не получить. Это должно быть в крови. Возможно, в прошлом веке Твои прабабушки с такой же грацией выходили на бал <...>».¹⁷³

Величавость и аристократичность Возлюбленной позволили писателю сравнить героиню с королевой, царицей в рассказе «Парижанка»: «<...> окинув взглядом стол и мужчин, она королевой опустила в свое кресло с высокой спинкой».¹⁷⁴ «<...> плывет, как царица!».¹⁷⁵

Традиционным для литературы стало изображение Возлюбленной как объекта поклонения и вдохновения. Эту же черту часто использует и Айпин, создавая своих героинь. Героиню писатель уподобляет музе, богине. Так, в рассказе «Парижанка» читаем: «- Это моя муза.

- С такой музой надо создавать только шедевры».¹⁷⁶ «Может, она и в самом деле нужна Джулиану как муза. Не жена, а муза. Муза вдохновляющая. Без музыки в творчестве совер-

шенно нечего делать. Уж шедевра без музыки точно никогда не сотворить».¹⁷⁷ Находим подобное и в героине рассказа «В мир вечного покоя»: «В чертах твоего лица, в цвете глаз и волос, в жестах, в манере речи, в походке, в мироощущении много было от очаровательных муз девятнадцатого века, от эпохи Пушкина».¹⁷⁸

Идеализация образа Возлюбленной приводила к уподоблению Возлюбленной ангелу. При этом внимание обращалось не столько на внешность, сколько на внутренние душевные качества. Она вызывает трепет и пробуждает высокие чувства. С ангелом сравнил писатель Дуняшу в рассказе «Клятвопреступник». Миша боится дотронуться до волос героини, да и сам цвет волос – художественный символ воплощения нимба: «Слушал Мишка ее напевы, а вот дотронуться до ее льняно-белых кудрей не отваживался».¹⁷⁹

Ангелу всегда противостоит Демон. В литературной традиции они не только противопоставлены, но и подчеркивают двойственность природы образа, когда совмещаются в одном, как, например, в Возлюбленной. Возлюбленная у Айпина тоже владеет колдовскими чарами. Поэтому закономерно, что героиню именуют то колдуньей, то ведьмой. Соответствуют этому и употребляемые писателем глаголы: «заворожила», «околдовала». Так, в рассказе «Клятвопреступник» читаем: «<...> «крепко-накрепко» она завладела его сердцем и умом, будто каким приворотным зельем опоила».¹⁸⁰ а в рассказе «Парижанка» находим: «Несомненно в ней было что-то такое, необъяснимое, мистическое, мифическое, колдовское. Но, однако, при всем этом она не вызывала у него тревоги. В ней теплое и завораживающее было сильнее, чем непонятное и непостижимое».¹⁸¹

Стоит отметить и еще один факт – создавая образ Воз-

171 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралд», 2007. С. 99.

172 Там же. С. 73.

173 Там же. С. 27.

174 Там же. С. 189-190.

175 Там же. С. 167.

176 Там же. С. 189.

177 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралд», 2007. С. 189.

178 Там же. С. 127.

179 Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное. Роман и рассказы. – М.: Русло, 1995. С. 86.

180 Там же. С. 86.

181 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралд», 2007. С. 187.

любленной, используя разнообразные сравнения и эпитеты, писатель не употребляет эпитет «любимая». Ни один из героев, так не называет свою возлюбленную. Автор через Никиту, героя рассказа «Старшой» констатирует, люди поздно понимают, что из-за нехватки времени и боязни сказать это, они не говорят самому дорогому человеку слова любви: «Никите захотелось не ей, а чуткому лесу шепнуть: «Люблю». Лес повторит его слова. Для нее <...> Никита ни разу не говорил ей «люблю», все не было времени <...>. Да и нежность считал он пустым занятием, стеснялся ее».¹⁸²

Воплощая образ Возлюбленной в героинях, Айпин изображает их глазами лирического героя: «Она что-то ласково шептала мне на опушке леса. Я смотрел на высокое-высокое небо, на плавающие в голубой мари дальние сопки, на восходящее чистое солнце и все слушал и слушал ее нежный, очаровывающий шепот. Я видел, как она играла с золотыми листьями березы, перебирала хвоинки и травы, встряхивала дремлющие кусты. Потом из тайника, ведомого только ей одной, она извлекала огромный оранжевый лист и он, словно маленькое теплое солнце, медленно поплыл навстречу мне <...>».¹⁸³ Интересное открытие видеть возлюбленную (Марину) с закрытыми глазами сделал Демьян в романе Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Возлюбленная родилась в окружающем пространстве и растворилась в нем, она стала частью мира героя: «Демьян вплотную пододвинулся к боковой стенке полога, на свою сторону, и закрыл глаза. Он боялся, что не сможет уснуть – сердце билось как-то по-особенному, шумно и тревожно, как преследуемый зверь, пытающийся обойти западню. <...> Прислушался, и не уловил даже дыхания девушки, словно ее не было рядом. <...> И тут с плотно закрытыми глазами он увидел ее на песке после купания. Он

182 Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Руслло, 1995. С. 64.

183 Айпин Е.Д. Река-и-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «МИРАЛД», 2007. С. 33.

увидел уходящие за горизонт удивительные линии ее тела. Он еще плотнее зажмурил глаза, но она все не исчезала. Не хотела уходить. И вдруг он понял, что теперь никто не помещает ему смотреть на нее. Он видит с закрытыми глазами. <...> Нет его вины в том, что он видит с закрытыми глазами. <...> А линии, между тем, все расходились, все становились продолжением песка, воды, леса, неба... Эти линии он видел в деревьях, в травах и листьях, в облаках. Он видел их везде, на что бы ни перевел взгляд. И, словно в волшебной сказке, она сама стала частью ярко-золотистого песка, частью леса, неба, солнца...».¹⁸⁴

Часто образ Возлюбленной писатель воссоздает через воспоминания героя, например, в рассказе «Осень в твоём городе». Он ходит по городу, по улицам и вспоминает, как слушал нежный, чистый, изумительный голос: «Ты говорила, как сказку сказывала, как песню напевала».¹⁸⁵

Возлюбленная как воспоминание прослеживается на протяжении всего романа «Ханты или Звезда Утренней Зари». Демьян думает о Марине. Между героями взаимная симпатия и близость «<...> молодых людей с предельной степенью чистоты и целомудренности. Сама ситуация одиночества молодых людей на лоне природы достаточно часто использовалась в мировой литературе. Но Е.Д. Айпин насыщает ее серьезными размышлениями Демьяна и Марины о жизни и мире вокруг них. Любовь, природа, искусство – вещи для Е. Айпина неразрывные, поэтому и линии женского тела ассоциируются у его героя с линией горизонта, следом падающей звезды, «изгибом печального месяца на ущербе», извивом Агана-реки... Зрительный ряд метафоричен, руки Демьяна «могут видеть лучше, чем глаза: в нем останутся все ее линии во всей первоизданной чистоте и неповторимости, во всем совершенстве. Он сам поразится памяти сердца и памяти рук. И эти линии

184 Айпин Е.Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман. – М.: Молодая Гвардия, 1990. С. 126.

185 Айпин Е.Д. Река-и-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «МИРАЛД», 2007. С. 13.

останутся в нем до самого последнего мгновения его жизни на земле»,¹⁸⁶ - отмечают Ю. Попов, Н. Цымбалистенко в статье «Сага о народе ханты». Надю же видим глазами Микуля в повести «В ожидании первого снега»: «<...> похожа на ингу-ягунскую девушку – немногословная, проворная в работе и не похожа – у нее много дум в голове»,¹⁸⁷ Герою рядом с нею спокойно, «<...> хорошо на душе».¹⁸⁸

Пространство возлюбленной – это жизненное пространство влюбленного. При расставании же с Возлюбленной появляется ощущение пустоты. Например, в рассказе «Осень в твоём городе» ощущения героя выражены в восприятии города:

«Город без Тебя опустел.

Город без Тебя осиротел.

*Город без Тебя омертвел».*¹⁸⁹

В рассказе «В окопах, или Явление Екатерины Великой» героиня – центр жизни героя: «Я сразу понял, куда идти. Я подошел к ней. Она уткнулась лицом в меня и обняла меня за талию. Я же уткнулся лицом в ее волосы и вдохнул в себя ее аромат. Удивительное дело: они пахли не войной, а мирным лесом, мирной водой, мирным небом. Словом, пахли миром и жизнью. И я задохнулся запахом ее губ и ее тела. И это было самое бесконечное длинное мгновение в моей жизни. Это была самая длинная часть моего земного бытия, моей земной жизни. В этом была вся моя разумная жизнь».¹⁹⁰

Еще одна черта Возлюбленной – жертвенность, из которой рождается сила отстаивать право любить и быть любимой. Это восхищает в героине рассказа «В мире вечного покоя». Писатель подчеркивает способность возлюбленной принести жертву на алтарь чувств: «Только на много позже я понял, что

с того мгновения у тебя не стало мужа. Это была самая большая жертва, которую ты могла принести во имя любви. Но осознал это слишком поздно – уже после твоего ухода в мир вечного покоя».¹⁹¹

Таким образом, видим, что через образ возлюбленной писатель попытался показать одну из граней взаимоотношений женщины и мужчины в своих произведениях. Айпин создает образ Возлюбленной не через портрет и окружение, а детали. Возлюбленной свойственна таинственность, загадочность, аристократизм и грациозность, мистичность, жертвенность. Характер Возлюбленной оправдывает ее сравнение с феей, царицей, королевой, ведьмой. Внутренние качества и детали внешнего облика позволяют ее воспринимать как музу, ангела.

Создавая образ Возлюбленной, Айпин пришел к заключению, которое выразил не в эпилоге книги «Река-в-январе»: «Писать о любви тяжело – / А любить еще тяжелее...»,¹⁹² а в рассказе «В мире вечного покоя»: «<...> в любви надо доверяться женщине. Особенно если это любящая женщина».¹⁹³

Образ Возлюбленной присутствует и в повестях Т.А. Молдановой. Не только любящую и любимую женщину воплотила Молданова в повести «Касания Цивилизации» в Татьяне: «<...> Они не могли разъединиться, повсюду ходили вместе. Самое великое наслаждение – жить рядом с любимым и любящим человеком <...>»,¹⁹⁴ но и показала обратную сторону женщины, живущей иллюзией счастья. Иллюзией вполне осознанной, так как в ней живет страх все потерять: «<...> Зачем, к чему, это не справедливо. Нет, ничто не должно разделять их. Должны существовать только он и она <...>».¹⁹⁵ Страх и ревность заставляют влюбленную женщину совершать отчаянные, необъяснимые логически поступки – скрывать от мужа беременность, отвергать рожденную от любимого дочь,

186 Попов Ю., Цымбалистенко Н. Сага о народе ханты // Хантыйская литература: Сборник / Сост. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2002. С. 67.

187 Айпин Е.Д. В ожидании первого снега: Повести. – Свердловск: Средне-Уральское кни. изд-во, 1979. С. 74.

188 Там же. С. 103.

189 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралл», 2007. С. 16.

190 Там же. С. 174.

191 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралл», 2007. С. 130.

192 Там же. С. 207.

193 Там же. С. 129.

194 Молданова Т.А. Касания цивилизации // Эритур. Альманах писателей Югры. Выпуск № 3. – Ханты-Мансийск: Эритур, 1998. С. 159.

195 Там же. С. 159.

радоваться смерти сына: «<...> не желая видеть, как Степан обрадуется кому-то другому, не ей, Татьяна упорно молчала, ничего не говорила мужу <...>»,¹⁹⁶ «Сложись все иначе, жалея сыночка, она никогда бы не восстала против унижений. А теперь счастье, полное счастье. Она так долго шла к нему...».¹⁹⁷ Любовь стала основой и семейной жизни Анны в повести «Средний мир Анны из Маланга»: «Подходит Анна к дому. Громко и сладко бьется сердце. И только открыла дверь, тут же погрузилась в ласковое сияние глаз незнакомого юноши. Один лишь раз встретились их взгляды, но будто огромное Солнце домик наполнило. Пылают щеки девушки, в жар бросает, тихо сидит она, ресницы поднять боится.

Грустной вернулась Анна домой. Все чувства ее, что вольно бродили, в жгучий комочек собрались. Печально что-то, страшно девушке. Дни сменяются ночами, но не уносят они девичьей грусти. Мать беду чувствует, на дочь сердиться начала.

— Женихи ей не нравились... Где это видано, чтобы девушка сама выбирала. Вон твои сестры давно детей нянчат, а ты усыхаешь, будто морозика перезрелая, перед людьми стыдно.

Так выговаривает Анне мать.

Молчит дочь, сказать нечего. <...>

«Ну ладно, — думает она, — если кто еще посватает, пусть замуж отдадут».

Не испросила ее судьба на этот раз. В ненастный, метельный день вихрем влетели в их стойбище нарты. Схватили, связали девушку ловкие руки и увезли из родительского дома. <...>

Вспоминает Анна свадебный обряд. А суженый ее — Тот самый юноша, что взглядом одним девичью душу растревожил. <...>

И вот коснулась рука Ювана ее руки, и потекли, потекли в нее тепло, доброта, желания... Заполняется Анна, ласкается Анна. Таит. Радует. Радует Солнцу. Радует жизни. А вокруг все озаряется сиянием любимого. <...>

¹⁹⁶ Молданова Т.А. Касания цивилизаций // Эрнтур. Альманах писателей Югры. Выпуск № 3. - Ханты-Мансийск: Эрнтур. 1998. С. 159.

¹⁹⁷ Там же. С. 159.

«Калтась ангки яманг хур» — эхом повторило сердце женщины. «Нас ожидает отцовское счастье! Нас ожидает материнское счастье!» — в такт друг другу пульсировали их сердца. Молодые, сильные, очарованные чудным мгновением жизни, долго-долго стояли они, впитывая в себя эти краски, эти ощущения, эти чувства и посылая божественному Небу-отцу, священной Земле-матери безмерную благодарность за свое счастье и желая такого же счастья всем-всем людям Земли».¹⁹⁸

Таким образом, видим, что образ Возлюбленной — это неотъемлемая часть и любовной лирики хантыйских поэтов, и творчества прозаиков. В поэзии возлюбленная воплощается через лирического героя.

Этническими особенностями можно объяснить и мотив поиска возлюбленной в хантыйской поэзии, и отсутствие портрета, и акцент на глазах в образе возлюбленной.

Хантыйские прозаики через образ возлюбленной раскрыли одну из граней взаимоотношений женщины и мужчины. Значимый вклад в создание образа внес Е.Д. Айпин. Он сделал неотъемлемой частью образа Возлюбленной таинственность, загадочность, аристократизм и грациозность, мистичность, жертвенность.

Возлюбленная, возведенная на пьедестал, сближается с образом Музы как в поэзии, так и в прозе.

¹⁹⁸ Молданова Т.А. «Средний мир» Анны из Маланга // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник. — Томск: Красное знамя, 1993. С. 82-84.

Образ Святой женщины

Святость – это сердечная чистота, возвышенность чувств, помыслов и гуманная направленность поступков. Святые – образ религиозный. Им приписываются благочестие, праведность, богоугодность, посредничество между богом и людьми. Отражение святого образа есть и в литературе, чаще всего его связывают с женщиной. Ее сравнивают с богиней, ангелом, либо же проводят параллель с каноническим религиозным образом, например, Богородицы и др. Святая женщина связана с духовностью. Она воплощает гармоничное единство мудрости и красоты.

Образ Святой женщины весьма скуп и условен в хантыйской литературе. И все же он есть. К этому образу в поэзии обратилась М.К. Вагатова, а в прозе можно его увидеть в произведениях Е.Д. Айпина, Т.А. Молдановой.

Не смотря на явную доминанту образа Матери и Земной женщины в поэзии М.К. Волдиной можно выделить образ женщины, приближенной к святому (священному) лику. Наиболее четко это выражено в стихотворении «Святая женщина-огонь». Источником святости выступает священная земля, подаренная духами (в частности, духом Ворт), и искрящийся свет солнца. Святость образа усиливается не только символом солнца, но и обозначением «святая женщина-огонь», что приближает образ к светлому, возвышенному идеалу, подчеркивает его чистоту, замкнутую в двойном сиянии огня – небесного и земного. Именно этому образу свойственны умиротворяющая созерцательность, ласковое дыхание и покой, ясный взор, вбирающий «всю прелесть красоты земной». Автор создает образ женщины, способной воспринимать невидимое (не случайно появление символики числа семь – священного числа в культуре ханты), жить «в своей природе», украшать «все вокруг», творить сокровенное, петь о возвышенном. Мотивы святых деяний находят свое воплощение в узорах священной одежды (сах, платок).

Есть и еще одна черта, присущая святым – это самоотречение от собственных благ, нужд и забот. Поэтесса наделяет ею образ святой женщины:

*Святая женщина-огонь,
Так о родной земле пою я,
Святая женщина-огонь,
Ее заботами живу...¹⁹⁹*

В этот образ вплетается мотив дружбы «по сердцу». Святая женщина выступает носителем «золотых дум» народа, которые позволяют ей говорить о вечных ценностях. Как видим, святому женскому образу в лирике Вагатовой свойственна гармония внутреннего и внешнего.

В хантыйской прозе образ богини (преимущественно это покровительница женщин – богиня огня) часто имеет фольклорные истоки. Т.А. Молданова в статье «Женские образы в прозаическом фольклоре хантов р.Вах» (2009) отмечает: «К архаичным женским образам относятся мифологические персонажи: Авкутельни (женщина Авкутель), Пэрни (женщина Пэр), вероятно, к более поздним, персонификации природных стихий: Тохти ими (Огонь – женщина), Хатл ими (Солнце-женщина). <...> Огонь-женщина – это грозное существо, требующее почитания, уважения и сурово наказывающее за пренебрежительное отношение».²⁰⁰ В.А. Мазин рассказывает в сказке «Огница»: «В каждой избушке домашний очаг – главная забота женщин. Священная Огница – подруга и помощница работающих хозяек. Не любит Огница – ленивых, страдает от оскорблений. Беречь ее надо, любоваться ее пляской. <...> Одна душа у Огницы, а тел у нее много».²⁰¹

Чаще всего авторы используют религиозно-художественную параллель: женщина – богиня. К ней обратились Айпин в повести «У гаснущего очага» и романе «Божья Мать в кровавых снегах», Т.А. Молданова в повести «В гнездышке оди-

199 Литература Югры, 1930-2000. Поэзия. Антология. Ч.1. /сост. Н.И. Конев. – Любимов: Унисерв, 2001. С. 125.

200 Молданова Т.А. Женские образы в прозаическом фольклоре хантов р.Вах // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...», посвященной юбилею М.К. Вагатовой (Волдиной). Ханты-Мансийск, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2008. С. 372.

201 Мазин В. Огница // Эриптур: Альманах писателей Югры. Ханты-Мансийск: Эриптур, 2001. Вып. № 6. С. 277.

ноком». В повести Молдановой выделяются несколько эпизодов, раскрывающих таинство общения женщины с богами: «Мысли о Татье не отгоняли предчувствия. Анна доставала из мехового мешочка кусочек белой ткани. Повернулась к огню, стала шептать молитвы и заклинания:

— Ма мувям, ма лонгхлам, ма хотьям шавилаты, ми няв-рямлам шавилаты (Моя земля, мои духи, мой дом, моих детей охраняйте).

Анна молилась Небу-отцу, Земле-матери...».²⁰²

В статье «Духовное освоение мира женщиной в традиционной культуре хантов» (2007) Т.А. Молданова выделила три периода в жизни хантйской женщины: «В юности, прежде всего, реализуется программа на освоение мира художественными средствами декоративно-прикладного искусства. Ограничения, запреты этого периода воспринимаются девушкой как необходимые условия сохранения физического здоровья, за которые она несет полную ответственность. Девушка готовится к воспроизводству жизни на физическом, материальном уровне, поэтому символ этого периода мать-Земля.

В зрелом возрасте, став матерью, женщина - это птица, охраняющая свое гнездо и поющая личную песню судьбы перед оком огня-Матери.

Пожилая женщина — кладезь духовной мудрости, ее взор уже простирается в иные миры. Сереброволосые женщины полуматериальны, они полубогини, корректирующие человеческие судьбы и управляющие душами людей».²⁰³

Такой полубогиней являлась бабушка Татьяне в повести Т.А. Молдановой «Касания Цивилизации», хотя она скорее выполняла функцию ее ангела-хранителя: «Татьяне казалось, что бабушка имела единственную цель жизни - сохранить тайну рождения внучки, сберечь ее от людских пересудов...».²⁰⁴

202 Молданова Т.А. Средний мир Анны из Маланга. // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник. — Томск: Ассоциация народов Севера, 1993. С. 64.

203 Молданова Т.А. Духовное освоение мира женщиной в традиционной культуре хантов // Культурное наследие Тюменской области: материалы научной конференции «Культурогенез и проблемы актуализации культурного наследия народов Тюменской области». — Тюмень, 2007. Ч. 1. С. 110 — 119.

204 Молданова Т.А. Касания цивилизации. // Эрнтур. Альманах писателей Югры. Выпуск № 3. — Ханты-Мансийск: Эрнтур, 1998. С. 156.

«Татьяна попыталась подняться, но боль в левом колене вновь осадил на землю. И вдруг, как и в больнице, перед Татьяной появились печальные глаза бабушки, она ощутила ласковые, теплые руки. Дрожь прекратилась...».²⁰⁵

Татьяна слышала голос умершей родственницы, ощущала ее незримое присутствие:

*«Внученька моя внученька,
Приходи ко мне, приходи.
Руки твои озябшие я отогрею, отогрею,
Ноги твои озябшие я отогрею...»*.²⁰⁶

«Вот уже и солнце поднялось, оно бодрило, придавало силы, и Татьяна уверенно шла вслед за протянутой бабушкиной рукой...».²⁰⁷ Последнее же видение бабушки, протягивающей руки и зовущей к себе — это художественное воплощение ангела, указывающего путь в иной мир, и символ смерти.

Ярче всего образ Святой женщины представлен в романе Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Уже само название романа определяет религиозную параллель, которая пройдет через весь роман в женском образе. О.К. Лагунова отмечает: «Божья Матерь, как известно, - главное женское божество во многих мифологиях мира, основная ее функция — созидательная, она участвует в творении мира (идентифицируется обычно с землей); в созидании населяющих вселенную богов, людей, животных и т.д. В ряде мифологий Божья Матерь соотносится с умирающим и воскрешающим богом, рассматривается как источник жизненной силы и бессмертия».²⁰⁸ Н.Энгвер в статье «То, что под камнем» (2004) указывает, что в романе писатель раскрывает: «<...> такую силу любви к жизни, к радости бытия, к богам и богиням, такое уважение к Божьей Матери, которое превосходит все технологические достижения века машин и машинных автоматов».²⁰⁹

205 Там же. С. 142.

206 Там же. С. 137.

207 Там же. С. 140.

208 Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е.Айпин, Ю.Взла, А. Неркаги). — Тюмень: изд-во ТГУ, 2007. С. 184.

209 Энгвер Н. То, что под камнем. // Литературная Россия. № 13. 2004. С. 10.

Раскрывая традиции православной веры сквозь призму женского образа (в частности, образа матери), писатель сконцентрирует внимание в романе на образе Божьей Матери и на иконе Богоматери. Нетипичность этих образов для хантыйской литературы отмечают многие исследователи романа Айпина. «<...> есть в произведении еще один необыкновенный образ Матери. Он изображен на иконе и представляет лик Божьей Матери. Этот образ живет во многих главах романа; особая сюжетная линия, ему посвященная, проходит пунктиром через всю книгу. Божья Матерь, чья икона висит в остяцком чуме, оберегая людей, молчаливо взирает на происходящий вокруг разбой. О ней вспоминает в своих причитаниях Матерь Детей, на нее печально глядит Белый, осеняя себя крестным знаменем <...>. Божья Матерь, казалось, внимательно прислушивается к словам людей о преступлениях XX века. Сердобольная, она проливает слезинку, похожую на прозрачную капельку тающего под весенним солнцем снега. <...>

Художественная функция образа Божьей Матери в романе многопланова. Это не просто икона, а раненная, расстрелянная главарем карателей икона. Сознании персонажей она видится истекающей кровью, с красной пулей в груди. <...> Божья Матерь воспринимается как спасительница хозяйки дома от преждевременной гибели. С этой иконой Мать не раз вступает в диалог, вопрошает ее, как жить, мысленно лечит ее рану листовым табаком и поражается тому, что, несмотря на ранение, Божья Матерь сохранила магическую энергию, доброту и силу. Как Матерь и израненная страдальца, она оказывается в романе своеобразным подобием Матери Детей. <...> Божья Матерь, как и Матерь Детей, тоже оказалась в кровавых снегах. В этом состоит ее главенствующая роль в произведении, объясняющая смысл емкого названия романа»,²¹⁰ - пишут в монографии Е.С. Роговер, С.Н. Нестерова.

В романе Айпина представлено двоеверие – языческие и христианские традиции воедино слились в образе главной

героини. Неоднократно в романе автор проводит параллель между главной героиней - Матерью Детей и Богоматерью, образу святому, почитаемому православными: «И тут увидел другую женщину с ребенком. Эта, прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучила светлым ликом ровный свет и кротко и добро смотрела прямо на него. Он снова глянул на женщину со зло-яростными глазами»,²¹¹ «С Божьей Матери он перевел глаза на хозяйку. Она сидела в своем углу и, держа на правом бедре младенца, кормила его грудью. Голова ее с равным пробором черных волос, сплетенных в две косы, прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. Со строгим и непроницаемым выражением она смотрела на тихо бормочущий в чувале огонь. Сидела она неподвижно, словно была высечена из камня. Потом, когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню за тепло и склонила голову на дитя, повернув его лицом к очагу. С живою любовью и нежностью она глядела на него. В это мгновение она точь-в-точь напоминала Божью Матерь с иконы в золотом окладе, она была также красива и добра»,²¹² Стоит отметить и иконописность образа главной героини романа.

Икона Богородицы – охранительный символ рода Матери Детей в романе. Однако не всегда икона, как атрибут веры, вселяет уверенность в героиню. В романе икона выступает и символическим пророчеством смерти. Белый в стремлении канонизировать, как святых мучеников, членов убиенной царской семьи написал их лики на иконах с лиц членов семьи Матери Детей, как бы предопределив будущее каждого: «Матерь Детей была поражена и встревожена тем, что в иконах, писанных то ли острием ножа, то ли отваром травы, то ли кровью, проступали образы ее милых детей – и дочерей, и сыновей. А в облике государя просматривались черты Отца Детей, а в государыне – некоторые линии собственного лица. Что это такое? Почему так получилось? Неужели и ее семью, ее близких

210 Роговер Е.С., Нестерова С.Н. Творчество Еремея Айпина. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 122-123.

211 Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пафрус, 2002. С. 10–11.

212 Там же. С. 90–91.

ждет такая же мученическая кончина?!». ²¹³ Мучения героини романа усиливаются с потерей очередного ребенка. Сопро-тивляясь гибели последнего оставшегося в живых сыночка – младенца Саввы, – мать кормит дитя собственной кровью. Как точно заметили Е.С. Роговер и Н.С. Нестерова: «Так в романе возникает образ Матери в кровавых снегах, образ великой остяцкой Мадонны, исполненной безграничной любви к Сыну». ²¹⁴

Доброта, кротость, смирение, теплота и внутренняя духовная красота становятся ключевыми характеристиками, которые помогают прозаику провести параллель между героиней и иконописным образом святой. Святость не вдруг обретается героиней романа, она заложена у них в роду по женской линии. Это четко видно в повествовании о появлении и роли иконы Богородицы в остяцкой семье: «<...> хозяйка как-то вечером неторопливо рассказала историю иконы. «А попала она к нам в давние-давние времена. <...> Сказывают, еще во времена царя Петра. Прислали в Сургут нового князя-воеводу. Привез он с собой молодую да красивую жену <...> неожиданно напали самоеды <...> князь-воевода все-таки одержал верх <...> хватились, а княгини-то нет. <...> Наша прабабушка Анна, в те годы молоденькая девушка, собирая ягоды со своей матерью <...>, наткнулась на <...> обессиленную от голода княгиню. <...>. Когда она поправилась, отвезли ее в Сургут. <...> княгиня пожелала, чтобы Анна погостила у нее в доме. Да так она у нее и осталась. <...> Прошло сколько-то лет. Царь отозвал своего князя-воеводу в столицу. Прабабушка Анна <...> вернулась в родительский дом <...>. Привезла с собой обитый железом сундук. В сундуке были одежда, книги Божьи и икона Божьей Матери. Княгиня, прощаясь, поцеловала нашу Анну и сказала: «Да хранит тебя и твой род Божья Мать многие лета!». ²¹⁵ В повести «У гаснущего очага» в подглаве «Богини»

213 Айпин Е.Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 118.

214 Роговер Е.С., Нестерова С.Н. Творчество Еремея Айпина. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 122.

215 Айпин Е.Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 91-93.

Айпин так же сравнивает мать с Богиней: «Мать-Огонь мне что-то успокоительное шептала, по-матерински ласкала и гре-ла. Так я узнал, что Золотая Богиня Огня похожа на мою Маму. И быть может, я с великою надеждой и терпением ждал того мгновения, когда из племени шагнет ко мне моя преждевре-менно ушедшая Мама». ²¹⁶

Икона хранила женщин рода, открывала им будущее в романе. Набожность стала главной чертой женщин рода, которые, приняв православие, не перестали почитать и языче-ских богов: «Дома Анна печалилась и молчала. Целыми днями перелистывала божественные книги и смотрела икону. Видно, молилась, разговаривала и беседовала с Божьей Матерью. Ро-дители ей ни в чем не перечили и против иконы ничего не име-ли. К тому времени русские священники окрестили уже всех остяков, и в каждом доме была икона. Удивительно слились две веры – православная и остяцкая. Считалось, русская икона охраняет человека от нечистой силы только внутри дома, по-близости от него. А за пределами дома человек находится во власти языческих богов и богинь». ²¹⁷

Избранность героини, жертвенность и смирение, вера, помогают ей слышать голоса, общаться с Богородицей, про-сить у нее совета, защиты, помощи: «И женщина обратилась к ней, позвала ее:

– Божья Мама, приди, помоги мне добраться до человече-ского жилья», ²¹⁸ «Положила голову на согнутую руку, закрыла глаза и направила мысль-вопрос Божьей Матери:

– Как мой Савва?!

– Жив, – ответила Богоматерь.

– Где он?

– У людей.

– Это хорошо!.. – вздохнула женщина». ²¹⁹

Двоеверие позволяет героине искать помощи и просить совета не только у христианской святой, но и у почитаемого

216 Айпин Е.Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, об-рядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред.-Урал. Ки. Изд-во; Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. С. 149.

217 Айпин Е.Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 93.

218 Там же. С. 250-251.

219 Там же. С. 244.

среди остяков Торума: «Там, на Седьмом Слое, живет Верховный Отец, Бог Торум. Вот Он, с верхней стороны, совсем близко. И она опять поставила свой вопрос:

- Как быть?

Верховный Отец не заставил себя долго ждать. Как ей показалось, ответ пришел довольно быстро:

- Живи»,²²⁰ «Кого же позвать на помощь? Сидящая рядом, но она не сможет оставить свой главный пост. Верховный Отец тоже ни на мгновение не должен останавливать миродвижение и отлучаться куда-либо по другим делам. А вот Божья Матерь могла бы прийти на подмогу».²²¹

Трагедия в жизни Матери Детей сродни жизнеописанию Девы Марии, которая так же потеряла сына (Христа). Страдания матери, потерявшей детей, возносят героиню в видении ее последнего земного дня: «Яркий снег слепил глаза. Она зажмурилась. И тут снова явилась к ней картина ее последнего земного дня. И показалось ей, что лежит она не посреди оленьего зимника, а в кедровом подросте на вершине сопки-крутояра с простреленной грудью. И, рассыпаясь на мельчайшие песчинки-пылинки, одновременно уходит вниз к Сидящей и вверх к Верховному Отцу – в его Божий Мир. У нее как бы не стало тела, душа отделилась от плоти, и все земные беды, горе, потери, ненависть, зло и злоба остались позади. Ей стало легко и хорошо. Начинается новая, небесная жизнь. И впереди радостная встреча с любимыми детьми и мужем. Как хорошо-то, хорошо ... Но к реальности ее вернули земные звуки, пока еще не ясные, невнятные, далекие, но они жили в снегах, усиливаясь и медленно прижимаясь. Она уловила легкую поступь идущих к ней на помощь. То ли людей, то ли Божьей Матери ...»,²²² «<...> ее тепло и дух уходят вверх, в небо, к Верховному Отцу, туда в заповедный уголок неба. Она еще раз напомнила себе, что туда забирают тех, кто погибает на войне, и всех тех, кто умирает не своей смертью. Туда поднялись души

220 Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 241.

221 Там же. С. 250.

222 Там же. С. 253-254.

погибших дочерей и сыновей женщин вместе с Отцом детей. И вот теперь она по своей доброй воле уходит к ним, к своему семейству, к своему выводку. Ее ждет небесная жизнь в кругу семьи. Там все начнется сначала. Там всех ждет иная, более счастливая судьба. А конец ее земной жизни первой оплатит Сидящая, затем Верховный Отец, а после этого, возможно, много времени спустя, сыночек-несмышлениш Савва <...> Сама она, Матерь Детей, все равно не смогла бы прожить на земле с таким тяжким грузом потерь, с таким черным грузом зла и ненависти в душе».²²³

Черты богини, музы синтезируются с образом Возлюбленной: «Ты согревала Вселенную Всю. Ты согревала и дом моего отца на далеком Севере, и наш сосновый белоягельный бор, и наши озера, и нашу Богиню... Я вздрогнул от неожиданности. Нашу богиню!.. Может быть, Ты сама Богиня?!».²²⁴

В рассказах книги «Река-в-январе» Айпин рисует образ святого милого ангела: «Ты. Одна. Единственная. Незабвенная, никому не принадлежащая <...>»,²²⁵ используя светлую палитру красок: «Она была во всем светлом. И казалась совсем прозрачной. Сквозь нее как будто просвечивали воды Атлантики, накатывающие на песчаный пляж. И, возможно, посветлело от ее светлых одеяний. Вся она светлая».²²⁶

Следовательно, образ Святой женщины представлен в произведениях Айпина тремя ипостасями: мученицей, ангелом и богиней. Каждая ипостась образа своеобразна по своему. Для мученицы свойственно преодоление всех препятствий, жертвенность, мужество, сила не только внешняя. Но и внутренняя. Ангел характеризуется нежностью, милыми чертами лица, прозрачным обликом, наполненным светлыми красками. Богиня вызывает восхищение и вознесена писателем. Создавая образ Святой женщины, Айпин прибегает чаще

223 Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 249.

224 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралл», 2007. С. 14.

225 Там же. С. 15.

226 Там же. С. 9.

всего к сравнениям с природой, использует деталь. Молданова в обращении к образу Святой использует более типичную, отсылающую к архаичному культурному пласту, символику. В поэзии Вагатовой образ Святой женщины связан с идеей избранности.

Как видим, образ Святой – довольно редкое и нетипичное явление для хантыйской литературы.

Образ Земной женщины

Типология женских образов в хантыйской поэзии весьма разнообразна. Образ Земной женщины доминирует в системе женских образов. Поэты реализуют этот образ в соответствии со сменой функций женщины: дочь, жена, мать, бабушка, свекровь и т.д. Отдельного внимания заслуживает образ матери. Об этом речь шла в первом параграфе. Система ценностей земной женщины напрямую связана с ее человеческими качествами, чертами характера. Нет в хантыйской поэзии и акцента на внешности в облике земной женщины.

Образ Земной женщины нашел воплощение и в хантыйской поэзии, и в прозе. В поэзии к нему обратились Г.Д. Лазарев, В.С. Волдин, М.К. Вагатова, Р.П. Ругин. В прозе образ Земной женщины создали Р.П. Ругин, Е.Д. Айпин, Т.А. Молданова.

Так, Г.Д. Лазарев, создавая в стихотворениях образ северянки, подчеркивает неразрывную связь женщины с родной землей, краем, отчим домом. В произведении «Песня девушки» находим подтверждение этому. Песня лирической героини наполнена грустью и печалью расставания с родным домом. Пятая строфа – это признание в любви родной земле:

*Не могу я наглядеться!
Не вина моя,
Что люблю тебя я с детства,
Сторона моя.
Образ матери чудесной
Увезу с собой.²²⁷*

В.С. Волдин также создает поэтический образ хантыйских женщин в цикле «Ханты эви, ханты ими». В поэму «Хантыйская девушка, хантыйская женщина», давшую название всему циклу, он включает эпическую песню о женщине-кедре. В этой песне отражены главные черты северянки – трудолюбие, выносливость, стойкость, неиссякаемая жизненная сила, мудрость, способность общаться в духами. Приведем подстрочный перевод В.Н. Соловар:

227 Лазарев Г.Д. Песня девушки // Литература Югры. 1930-2000. Поэзия. Антология. Ч.1. /сост. Н.И. Конев. – Люберцы: Унисерв, 2001. С. 24-25.

Триста верст пути пешком,
Наверное, хантыйская женичина проходила.
Может, плечи у нее широкие.
Сильная, крепкая она.
Мы знаем,
Ей дали имя Кедр.
Вырастила дочерей-сыновей,
Во время войны лихо видала,
На земле Хетта много зверей,
Рыбу на Кур ехе добывала.
Ей сопутствовала удача.
Она это умела, она это делала,
Ей помогали мать Дух-леса,
Женичина-Кедр своими руками
Несла песцов, лису, белок.
Поэтому, может, люди
Дали ей такое имя. <...>
Много лет назад умная девушка
От ненужного мужчины спряталась на кедре.
Может, оттуда это имя приклеилось.
Поэтому, может, люди назвали ее
Кедр-женичина.²²⁸

Видим в поэме В.С. Волдина «Ханты эви, ханты ими» и образ дочери, автобиографический. Поэт подчеркивает сходство между дочерью и его матерью:

Татьяна, доченька маленькая моя,
Похожая на ту,
Которая передала ей душу.
Это мне нравится –
На нее глядя, я вижу маму мою.
Ты, доченька, расти быстро,
В настоящее хорошее время
Живи за бабушку.²²⁹

228 Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. С. 109.

229 Там же. С. 107-108.

Продолжается поэма наказом отца дочери, в которой видит продолжательницу своих начинаний:

Пусть будет у тебя ровная дорога.
Желаю, чтоб ты писала.
Если понадобится, оленя запряги,
Плохие дела отложи.
Когда я умру, иди по моему следу.
Помни, были такие:
Мама, отец, твои предки.²³⁰

Отмечая женское «созидающее начало» в поэзии Вагатовой, М.М. Рябий пишет: «На наших глазах девочка-подросток, внучка и доченька превращается в статную девушку, а затем в женщину, которая торит охотничьи пути, воспитывает детей и, не старея душой, превращается в бабушку».²³¹

Открывает лирический цикл Вагатовой «Сердце матери» стихотворение «Песня бабушки». Анализируя его, Е.С. Роговер в статье «Лирика М.К. Вагатовой» замечает: «<...> Не случайно бабушка повествует о «весёлом чуме», о молодости, когда она пела и танцевала. Однако в середине песни происходит сюжетный сдвиг, и интонации рассказа заметно меняются. Тревожный риторический вопрос – «У кого просить участия?» – настраивает слушательницу-внучку на восприятие драматических сторон жизни. Бабушка, героиня Вагатовой, словно пушкинская няня перед влюблённой Татьяной, повествует о нерадостном замужестве:

Помню, как-то зимней ночью
Руки мне связали, ноги,
В юрту мужа повезли...

Только если у Пушкина в «Евгении Онегине» странность раннего замужества мотивировалась дикостью крепостни-

230 Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. С. 108.

231 Рябий М.М. О новой книге Марии Вагатовой «Моя песня, моя песня» // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не твое прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 129.

ческих нравов, у Марии Вагатовой необычные подробности происходящего объясняются старыми национальными обычаями, принятыми нормами поведения юной невесты:

*Лицо скрывала, внученька,
Велел обычай мучиться.*

Драматизм дальнейшего рассказа, а значит и поющей песни, усиливается, чему способствует лаконизм передачи последующих событий:

*Из бересты раз десять
Я колыбели шила.
Один живой, что делать?*

Нетрудно почувствовать, какой пласт жизни скрывается за последней скупой строкой. Но всё это – в прошлом. Бабушка вновь возвращается к настоящему времени, к живой современности. Интонация песни вновь резко меняется:

*Хоят кепә! Калы тутсам
Нанен похнас, хылыэние!
В русском переводе стихи звучат так:
О добрый час! И в будни
В душе поёт ручей.*

Новое время рождает новые песни. Образ журчащего ручья передаёт иной ритм и иное, бодрое, молодое звучание. Отсюда – такая живая и очень органичная концовка. Бабушка обретает новую молодость, ей кажется, что она снова юна, как её внучка:

*И стала я как будто
Ровесницей твоей.*

Стихотворение Вагатовой сумело вобрать в себя сложные пласты жизни, удивительную смену настоящего былым, вчерашним и затем вновь – настоящим. Такое смелое и редкостное владение категорией времени в пределах небольшого художественного пространства говорит о замечательном мастерстве автора.²³²

232 Роговер Е.С. Лирика М.К. Вагатовой // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не твою прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 124-125.

Еще один образ (стадия земной жизни женщины) цикла – образ дочери. Обращает на себя внимание четырехкратное повторение восприятия дочери матерью: «Доченька – кровиночка, доченька – душа».²³³ Дочь держит в руках жизнь матери, украшает собою ее путь, воплощает все старания матери:

*Матери старанья собраны тобою,
И твои ручонки жизнь мою держали. <...>
И походкой легкой по моей дороге
Мастерицей вышла в сахе ты расшитой,
Много удивлений и умений много
В теле твоём гибком юностью разлитом.²³⁴*

В стихотворении видим и будущее, которое пророчит дочери мать. В этом пророчестве естественная закономерность жизненного цикла: дочь тоже со временем станет матерью, создаст свою семью:

*Юную хозяйку радостною песней
Уведет куда-то человек нездешний.
Наградит мужчина счастьем поднебесным,
Сердцем удивленным и душой негрешной.
Доченька родная, душенька, кровинка,
Береги от грязи радости слезинки! <...>
Под Луной невинной примешь мужа семя,
Чтоб союз извечный на Земле упрочить.
Дочь – душа, кровиночка, доченька моя,
Пусть теплом прославится и твоя семья!²³⁵*

Обращаясь к поэтическому посвящению Вагатовой «Свекрови», в котором просматривается еще одна грань земного женского образа, Е.С. Роговер отмечает: «<...> у Вагатовой в стихотворении «Свекрови», вопреки обыкновению, звучат признания в любви к матери мужа, и именно потому, что она его родительница. Слово лирической героини дышит нежностью, радостью, признательностью. Более того, невест-

233 Вагатова (Волдина) М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во 2002. С. 14.

234 Там же. С. 14.

235 Там же. С. 14.

ка называет свою свекровь «святой».²³⁶ Послание Вагатовой «Свекрови» исполнено благодарности к женщине, которая принесла счастье в ее жизнь:

*Благодарю я за любовь
Склоненной головой
Тебя, незримая свекровь –
Мать мужа моего.
За то, что лучший из мужчин
Мил сердцу моему,
За то, что плакать нет причин –
У очага в дому.²³⁷*

Поэтому и строки последнего пожелания женщине, покинувшей Средний мир, звучат особенно трогательно и искренне: «Пусть будет мягкой постель / Земли тебе, / Свекровь!».²³⁸

В галерее женских поэтических образов Вагатовой есть женские образы, носящие собирательный характер. В них представлены лучшие, отличительные черты типичных представительниц этноса. Так в стихотворении «Если пошла плясать девушка ханты», автор показывает завораживающую магию и красоту пластики народного женского танца, движения которого – это воспринятая действительность окружающего мира. В этом танце есть побуждающая жизненная сила.

*Ритуальный танец наш – вьется жарким духом,
Ноги сам в пляс идут.*

А главней всего:

Завораживает

Он лишь высоких духом,

Щедрым солнечным теплом веет от него...

И сердца сильнее, в лад, начинают биться,

Побуждая жизнь вперед, быстрю,

Стремиться.²³⁹

236 Роговер Е.С. Лирника М.К. Вагатовой // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не твою прекрасное от ваших взоров», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 125.

237 Вагатова (Волдина) М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во 2002. С. 23.

238 Там же. С. 23.

239 Там же. С. 34.

В стихотворении «Женщина из Осьоланг поет», написанном по мотивам народной песни, заключена преемственность семейных традиций (а значит и незыблемость), передаваемых по женской линии (и в первую очередь традиции гостеприимства).

*Сноху – женщину из юрты
Оставляю вместо себя, все ей передам.
Пусть она будет крепким плем,
Сильным стволом дама моего <...>
Когда человек издалека приезжает,
Около дома пусть встречает,
Около нарты, на которой гость приехал,
Пусть она его встречает.²⁴⁰*

Следует отметить, что во всех стихотворениях созданный поэтессой женский образ имеет две отличительные черты – красоту (не столько внешнюю, сколько внутреннюю) и гордость, граничащую с вольнолюбием.

Р.П. Ругин также не оставил без внимания образ Земной женщины. В стихотворении «Хантыйские женщины» поэт признается: «Прекрасны, как лебеди, женщины в нашем краю».²⁴¹ Восхищенный поэт признается в любви северянкам:

*Иная посмотрит – и ты полыхаешь в огне.
Забыв про тревоги, что так дожимали во сне.
И сердце сорвется и вскачь полетит с крутизны,
Как маленький камень в потоках бурлящей волны.
И сам ты, как лодка, плывешь в никуда без весла.²⁴²*

В поэтической форме Ругин, рисуя портрет северной красавицы, приходит к вполне логичному заключению – «Такую полюбишь и будешь, как солнце, могуч»:

*Как звонко лепечет весною прозрачный ручей, –
Так весело плещется в воздухе звук их речей.
Улыбка их – радуга, льющая радостный свет.
Походка тиха, как встающий над миром рассвет.*

240 Вагатова (Волдина) М.К. Моя песня, моя песня. Стихи. Легенды. Сказки. – Екатеринбург, 2002. С. 31.

241 Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2004. С. 283.

242 Там же. С. 283-284.

*Скользят они легче, чем пух или солнечный луч.*²⁴³

Однако, внешняя привлекательность не главное качество хантыйской женщины. Главным достоинством северянки поэт объявляет трудолюбие и мастерство: «У женщин хантыйских - проворные, умные руки / Они вышивают узоры любимым в разлуке! / Как затканы золотом летом земные просторы. / Так шиты ягушки у хантов лучистым узором. / Он четок и чист, будто след горностая в снегу».²⁴⁴ Завершается стихотворение пожеланием, адресованным всем хантыйским женщинам:

Пусть годы, хантыйские женщины, вас берегут.

Пусть жизнь ваша будет светла и любовью полна,

*Вольна и спокойна, как в тишь голубая волна.*²⁴⁵

Как видим, образ земной женщины не получил широко-го распространения в хантыйской поэзии, однако одну из его трансформаций (этническую) – северянку можно встретить в лирике ведущих хантыйских поэтов.

В прозе складывается та же картина. Только образ земной женщины более четок в рассказах, повестях, романах хантыйских писателей. В прозе Р.П. Ругин создает образ Земной женщины. Этот образ представлен автором, как и М.К. Вагатовой в поэзии, в хронологическом срезе: юность, материнство, зрелость; но границы между ними весьма условны. Юных героинь отличает максимализм, обидчивость, желание противоречить старшим в решении вопросов их будущей жизни; не лишены они и кокетства. Все это видим в Тутье - героине повести «Ранний ледостав»: «Тутья, конечно знала о тайной страсти Опуня и частенько жестко подшучивала. Или назло ему на виду у всех подолгу болтала с кем-нибудь из парней, весело хохотала».²⁴⁶

Порывистость молодости позволяет героиням, как, впрочем, и героям, нарушать запреты, преступать законы тради-

ций. В повести «Сорок северных ветров» читаем: «Он (Арсин – Е.К.) рассказал им, ничего не тая, о своей любви, о том, как провел с любимой девушкой ночь на Шияне, об их мечте пожениться. <...> Но обычай обычаями, а он ведь и в мыслях не допускал, что посмеет опозорить, обесчестить любимую. Что из того, что он молод, - разве он не понимает: нет для хантыйской женщины позора более страшного, чем иметь ребенка без мужа. <...> услышал её прерывистый шепот: <...> я хочу женщиной стать, Арсин... Матерью хочу стать... Ты ведь не изменял своей клятве, пусть я буду виновата, раз я не могу иначе...».²⁴⁷

Писатель рисует новое поколение женщин, отрывающихся от корней, обретающих большую долю самостоятельности в выборе будущего. В рассказе «Сватовство» новое веяние времени четко обозначено: «Не ждала она такого от своих родителей! Не могли, что ли, с ней посоветоваться? Забыли, что старые времена давным-давно прошли? Что она не безграмотная покорная хантыйка, а молодой специалист – за плечами у нее восьмилетка, курсы звероводов в Ханты-Мансийске – и на общественной работе она не из последних?». ²⁴⁸ В то же время Ругин подчеркивает, что дочерняя любовь, уважение и почитание старших – это главный канон хантыйской семьи. В «Раннем ледоставе» находим подтверждение этому: «<...> без согласия отца Тутья и шагу не сделает. Таковы в их доме обычаи».²⁴⁹

Ругин выделяет в героинях, независимо от их возраста, общую черту – трудолюбие, ловкость и сноровку в делах, умение вести домашнее хозяйство, четко и добросовестно исполнять свою часть обязанностей (не случайно здесь появляется у автора сравнение женщины с проворной белкой). В повести «Ранний ледостав» также говорится об этом: «Опунь очень любил Палаш, скучал без неё. Рослая, сильная, она рыбачила летом наравне с мужчинами, ловко управлялась с муксуновой

243 Ругин Р.П. Избранные стихи. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2004. С. 284.

244 Там же. С. 284.

245 Там же. С. 284.

246 Ругин Р.П. Избранные: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 334.

247 Ругин Р.П. Избранные: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 232-240.

248 Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 414.

249 Ругин Р.П. Избранные: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 354.

сетью, метала сено в стога, работала на лесозаготовках... Палаш никогда не унывала, даже самую тяжелую работу делала легко, с улыбкой... Хорошо было дома с Палаш...»;²⁵⁰ «У Ансема все дочери работающие. Я никому спуска не давал. Все делать умеют. И малицу сшить, и оленью шкуру размять, и еду приготовить. Нет, моя Туття перед будущим мужем в грязь лицом не ударит».²⁵¹

Создавая женские образы в произведениях, Ругин прибегает к редкому для его писательской манеры приему – дает достаточно подробный портрет героини; портретного описания не имеет ни один из героев его рассказов или повестей, разве что обладает значимой деталью в облике. Так, в рассказе «Сватовство» находим портрет Туньлы: «Она вытерла мокрые веки, провела рукой по своим пушистым, похожим на мех черно-бурой лисицы волосам и погляделась в небольшое овальное зеркало, висевшее на стене. Желтоватое стекло отразило чистый овал лица, полные смятения живые темные глаза и чуть широковатый, курносый, как у выездной нарты, нос. Туньла была недовольна своим носом и не очень доверяла красивым словам, которыми ее называли в Шурышкарах – «Лонгхитам юх хорпи» – «Девушка, похожая на березу без единого сучка». Но что ей нравилось на собственном лице – так это брови! Оленьими рогами они гордо взмывали вверх на ее гладком, хоть и не слишком высоком лбу. Брови говорили о ее характере – неужели дома не видят, что он у нее есть?»;²⁵² или Айнэ в повести «Гул далекой буровой»: «Словно по мановению волшебной палочки, Айнэ враз обрела привлекательную женственность, и теперь глаз нельзя было оторвать от ее стройной фигуры, каштановых волос, необычной для северянок белой кожи... А уж лицо ее... Небольшой рот, прямой носик, длинные, как иголки кедра, ресницы, строго очерченные брови... Нет, лицо это, родинку Айнэ на левой щеке – не за-

250 Ругин Р.П. Избранное: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 337.

251 Там же. С. 398.

252 Ругин Р.П. Волшебная земля. Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 415.

быть Карыкуру никогда в жизни...»;²⁵³ или описание Тони в повести «В ожидании сына»: «Выглядела она довольно мило – русоволосая, с длинными косами, смуглолицая, с небесно-голубыми глазами. Правда, несколько выделялся слишком курносый нос».²⁵⁴

Следует указать и еще на одну деталь – создавая характерный портрет героини, автор использует сравнения из мира природы: волосы похожи на «мех черно-бурой лисицы», брови взлетают вверх как оленьи рога; юная красота расцветает, подобно «распускающемуся на Севере цветку Иван-чая»; девушка вырастает, «словно молодая березка, налитая соком» и пр.; сравнения из традиционного быта: нос, «как у выездной нарты», смех «звонкий, как олений колокольчик» и пр.

Ругин подчеркивает нелегкую долю женщины, укрепляющую ее жизненную силу, стойкость. В повести «В ожидании сына» Этуш, после ухода Миката в армию, осталась старшей и на ее плечи легла основная, наиболее тяжелая работа, она приобщилась к рыбацкому труду: «Молодец Этуш! Ловко проплыла и в нужном месте стала вытаскивать. Хорошо научилась. Не хуже любого мужчины толк в рыбацком деле знаешь. Да и не каждый, пожалуй, угонится за тобой».²⁵⁵

В прозе Ругина образы героинь, в отличие от героев, имеют заверченный цельный характер, лишенный противоречий. Каждая героиня произведений писателя индивидуальна, и в то же время в них много общего; каждую автор наделил чертами, свойственными представительницам северного этноса. Значимую роль в рассказах и повестях Ругина начинает играть портрет, который становится отличительной чертой женского образа в художественной прозе писателя.

В прозе Е.Д. Айпина образ Земной женщины представлен в хронологическом срезе, не лишен он и этнической специ-

253 Ругин Р.П. Избранное: повести. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. С. 84.

254 Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. С. 140.

255 Ругин Р.П. В ожидании сына: Повести. – Свердловск: Сред. – Урал. Ки. Изд-во, 1990. С. 31.

ифики. Автор обращается к образу бабушки, но сближает его с образом матери. В повести «У гаснувшего очага» он называет бабушку - «мамина мама». ²⁵⁶ Ее образ просматривается через воспоминания Ромы: как она готовила еду, заботилась о них. Характер героини раскрывается через отношение к внукам: «Ох, без опоры-связки горькие сиротинушки!.. Ох, без опоры-связки мои сырые сиротинушки». ²⁵⁷ В повести Айпин рассказывает о жизни бабушки во время прихода Советской власти, когда: «<...> начали организовывать первый колхоз. Вот тогда Бабушка и хлебнула лиха. Ведь поселок возводили совсем рядом с селением Маут Яун, на противоположном берегу. Всех – никого не спрашивали, хочет или не хочет, - записали в колхоз.

Особенно тяжело пришлось вдовам и одиноким женщинам. Либо оставаясь в собственном селении и тяни полный план по рыбе или пушнине, либо подражайся на перевозку грузов – в основном рыбы, либо перебирайся в поселок на «русские работы». Это был самый нежелательный вариант. Жили в общем бараке, где один угол, как выражалась Бабушка, на несколько семей приходился. Там Бабушка лес валила, а потом его на постройку новых домов возила. Ближе к весне, когда начиналась распутица, дрова для всех поселковых учреждений пилила, колола и в длинные поленицы на просушку укладывала. Летом рыбу потрошила и в больших бочках-чанах солила. А когда приходил катер с баржой, эту рыбу на носилках туда загружала, чтоб в город отправить. Зимой она мерзлую рыбу в мешки затаривала и на подводы грузила. Тоже для города. Летом еще и на поле работала – картошку и другие овощи выращивала. Траву для скота косила, а зимой на оленях или конях в поселок ее возила. На скотном дворе за коровами и лошадьми – <...> выгребала. <...> Вся работа колхозная – тяжелая, ручная, неженская, вздыхает Бабушка. Кто был послабже – надорвался и умер, кто посильнее – выжил и теперь

²⁵⁶ Айпин Е.Д. У гаснувшего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред.-Урал. Кн. Изд-во; Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. С. 79.

²⁵⁷ Там же. С. 80.

последние дни доживает...». ²⁵⁸ Интересно, что большой объем работ выдерживали только сильные женщины – ханты, однако для другого этнического типа женщин такая работа воспринималась как норма: «- А как русские женщины русскую работу терпят? – спрашиваю я Бабушку.

- Их за много веков приучили к русской работе. Так я думаю.

- А кто их приучил?

- ... Кто-кто?! Наверное, русские мужчины приучили. Жизнь нелегкая приучила». ²⁵⁹

В прозе Айпина видим и трансформацию, происходящую с женщиной, в силу разных обстоятельств. В рассказе «Старшой» героиня работает трактористкой, хотя за плечами у нее оконченное училище. Автор показывает, как тяготы изменяют женщину: «<...> черты лица стали по-женски жестокими и решительными да блеск глаз острее, колючее – верные признаки одинокой женщины. Вообще-то никогда не угадаешь, что пережила женщина и что у нее на уме...». ²⁶⁰ Или в рассказе «В полете в Бездну» Айпин рассказывает, как было тяжело женщинам во время войны 1941-1945 годов и после нее: «Все хозяйство держалось на женщинах. Рыбная ловля, обработка рыбы, погрузка и разгрузка, лесозаготовка, покос, дрова, извоз <...> Все одеты почти одинаково: верх в телогрейке, низ в валенках, а серединка почти голая» ²⁶¹ и как тяжело приходилось им жить: «Давно ничего мясного в доме не было». ²⁶² В повести «В ожидании первого снега» тетя Вера проявляет силу характера в мужском коллективе буровой, поэтому, вероятно, у нее и «<...> черты лица жесткие, суровые, и голос ее звучал в маленькой комнатке неожиданно резко и властно». ²⁶³

²⁵⁸ Айпин Е.Д. У гаснувшего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург: Сред.-Урал. Кн. Изд-во; Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. С. 83 – 84.

²⁵⁹ Там же. С. 85.

²⁶⁰ Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1995. С. 64.

²⁶¹ Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 41.

²⁶² Там же. С. 42.

²⁶³ Айпин Е.Д. В ожидании первого снега. Повести. – Свердловск: Средне-Уральское кн. Изд-во, 1979. С. 14 – 15.

Она способна на решительные действия, оберегает более беззащитных представительниц своего пола. Показателен эпизод в повести, когда Микута приезжает к бурильщикам, мастер его предупреждает, что если пойдет к лаборанткам, то «<...> тетя Вера так турнет, что навсегда отучит ходить туда».²⁶⁴

Сила характера, целеустремленность сочетаются в героине с умом, мудростью, образованностью. Надя в повести «В ожидании первого снега» простым языком поясняет новичку на буровой принцип работы: «<...> она объяснила, что раствор вытаскивает из скважин измельченную долотом породу. А она, лаборантка, во время бурения следит за раствором: с помощью специальных приборов определяет удельный вес, водоотдачу, вязкость. Все она рассказала толково и просто. Микуль уже косился на нее с уважением, думал: «Хоть и женщина, а понимает».²⁶⁵ «И думы все крепкие, основательные: вот захотела стать геологом, значит, станет геологом. Ничего ей не мешает, все она может: женщина, а сильная».²⁶⁶

Героиня постоянна в своих пристрастиях: «Надя Васильева любила буровую во все времена года <...> Но особенно любила буровую зимой <...> Может быть, оттого, что зимой остаются здесь самые яростные и преданные разведке люди <...> потом, когда проработала на буровой год и поступила на заочный факультет индустриального института, вдруг почувствовала, ее, как, наверное, и многих других, увлекла не столько красота Севера с его седыми зимами, сумасшедшими белыми ночами и осенними кроваво-красными сполохами в полнеба, а в большей степени ритм жизни этого таежного края».²⁶⁷ Обладает она и проницательностью, читает в человеческих душах: «<...> сразу видно, чем дышит человек, потому что в этом суровом краю слово с делом не расходится. За год в бригаде побывало немало людей: одни долго не задерживались, другие оставались насовсем. Надя считала, что насквозь

264 Айпин Е.Д. В ожидании первого снега. Повести. – Свердловск: Средне-Уральское кни. Изд-во, 1979. С. 14.

265 Там же. С. 19 – 20.

266 Там же. С. 74.

267 Там же. С. 35 – 36.

видит всех, кто приезжал на буровую».²⁶⁸ Мужество и сильная воля восхищают героя в хрупкой женщине: «– Надя. А ты слышишь, как стонут сосны в бору?»

– Стонут? – переспросила девушка, вскинув брови. Но помолчав. Ответила серьезно: – Нет, я слышу только песню старого бора.

– Они жалуются только сильным, кто им может помочь, – прервала Надя, – а меня не хотят тревожить, наверное деликатные они».²⁶⁹ «Когда Кузьмич уже совсем вышел из себя и готов был кинуться на медведя с кулаками. Из балка выскочила лаборантка Надя с ковшиком воды и опрокинула зверя кипятком «Вот это девушка! – с уважением подумал Микуль. – Настоящая жена охотника!».²⁷⁰

Отчаяние, трудные испытания только закаляют характер женщины, делают его сильнее. На фоне сильного женского характера Айпин показывает слабость, несостоятельность сильной половины человечества. Так, в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Анисья противопоставлена Демьяну. Она борется за своих детей, за свой род при бездействии главы семьи: «Демьян приподнял голову и увидел отчаянное лицо жены: она держала сак молодой дочери Таисии и смотрела на протертую в жилу трехкопеечную монету – украшения на детской одежде никак нельзя срезать, это большой грех, ребенку будет плохо. Но в голове Анисьи, видимо, билась лишь одна мысль – о спасении Пеструхи, которая не могла остановить ее ни перед чем: сначала надо попытаться отвести беду, что уже стучится в дверь, а там что будет – того не миновать».²⁷¹

Гостеприимство, хозяйственность – еще одна черта, свойственная хозяйке дома. В рассказе Айпина «Во тьме»: «<...> хозяйка угощает гостей, чем бог послал, пришел гость – кто бы ни был – угощай, чем богат, не роняй достоинство дома. Хозяйка. Как это было принято испокон веков, приносила им

268 Айпин Е.Д. В ожидании первого снега. Повести. – Свердловск: Средне-Уральское кни. Изд-во, 1979. С. 36.

269 Там же. С. 40 – 41.

270 Там же. С. 92.

271 Айпин Е.Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари. Роман. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 323.

копченую рыбу или мясо, ягоды или орехи. Смотря, что есть под рукой».²⁷²

Героини Айпина наделены даром предчувствия, обладают сильной женской интуицией. Так, в рассказе «Во тьме» автор утверждает, что «женщина права».²⁷³ Она предчувствует беду: «Добреньким теперь не проживешь – быстро заклюют, времена не те! Вот и выходит, что она права».²⁷⁴

Воинственность – черта, свойственная образу Воительницы, однако в хантыйской литературе она стала неотъемлемой составляющей образа Земной женщины. Подтверждение этому находим в романе Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Автор подчеркивает, что воинственность в крови у аборигенов Севера, поэтому четко озвучивает на страницах произведения остяцкую концепцию ведения войны: «На этой войне у остяков существовал свой порядок вступления в бой. Сначала воюют мужчины, а когда погибают, вступают женщины, последними дети, те из них, кто уже может держать в руках ружье».²⁷⁵ Столь же четко Айпин называет и причины, которые превращают женщину в воительницу, на примере истории Хомани: «Войско открыло стрельбу <...>. Когда остановились, увидели, что шальная пуля убила сына, маленького Учю. Ему было всего четыре зимы и четыре лета, и в поездках он всегда сидел на отцовской нарте, за спиной отца. Отец сына почернел лицом, и с того дня семья решила воевать с красными до смерти. Муж научил жену стрелять из винтовки. И обстреливали они войско то с удобных позиций, с которых можно быстро исчезнуть, то с небольшими отрядами остяков и самоедов. Так прошла почти вся зима. Потом она сказала мужу, что «по иному жить» стала. Тогда муж запретил ей брать в руки оружие, так как солдаты обычно не стреляют по безоружным <...>. С той поры она перестала воевать. А вообще казымские женщины все воинственные, отчаянные. Может быть, стреляют не

так метко, как мужчины воины, но зато ничего не бояться. Тем более, если погибают дети и муж. Не бояться красных. Не бояться пуль. Не бояться смерти...».²⁷⁶

Т.А. Молданова в статье «Женские образы в прозаическом фольклоре р. Вах» (2009) пишет: «<...> женщина наделяется характеристиками, которые не имеют ярко выраженной окраски: она консервативна (постоянно предупреждает об опасности), оставшись без покровителя-мужчины, активизируется способна, принимать решения и даже совершать героические поступки».²⁷⁷ Так женщина оказывается на войне, хотя изначально созидательная, жизнедающая функция женщины в мире не приемлет войны, сопровождающейся разрушением и смертью. Евдокия Сухорукова в рассказе Айпина «Клятвопреступник» ушла к красным комиссаром Никишиным на фронт сестрой милосердия, и погибла: «Женское ли дело – война! <...> Евдокия-то детей могла народить мне, думал он, кабы не комсарик. И жизнь. Может быть, потекла бы совсем по другому руслу...».²⁷⁸ В рассказе «В окопах, или Явление Екатерины Великой» автор начинает свое повествование со строк «Я расскажу тебе о женщинах на войне».²⁷⁹ Главная героиня произведения, служа связисткой в отряде, руководствовалась убеждением: «Моя пуля еще не отлита».²⁸⁰

Подтверждение правоты заключения, сделанного Молдановой, находим и в повести Ругина «Солнце над снегами». Этуш, защищая мужа, проявляет силу характера: «Пронзительный женский крик раздался в толпе. Это, конечно, была Этуш <...> Ведь она тоже пыталась вступить за своего мужа!».²⁸¹

В повестях Т.А. Молдановой такое же, этнически обу-

272 Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1995. С. 68.

273 Там же. С. 66.

274 Там же. С. 72.

275 Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 9.

276 Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 41.

277 Молданова Т.А. Женские образы в прозаическом фольклоре р. Вах // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не твою красное от ваших взоров...», посвященной юбилею М.К. Вагатовой, 23.01.2007. – Ханты-Мансийск: Информационно-издат. центр, 2009. С. 376 – 377.

278 Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1995. С. 86.

279 Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Миралл», 2007. С. 163.

280 Там же. С. 167.

281 Ругин Р.П. Солнце над снегами. Повести, рассказы. – Свердловск: Сред.-Урал. книж.-во, 1986. С. 65.

словленное, изображение земной женщины. В произведении «В гнездышке одиноком» главная героиня Анна бесстрашно борется за свою семью, за жизнь детей: «С утра Анна с Кузьмой вновь направились на поиски оленей. Анна взяла лук со стрелами, которые изготовил Кузьма. «Хоть бы белочку подстрелить, дитя желудочком накормить», — вспомнила она о любимом лакомстве дочери».²⁸²

В этой же повести бабушка заменяет героине маму: «<...> бабушка была единственным близким человеком. Сейчас в минуту тяжелого душевного состояния внучки, старая женщина пыталась помочь ей и вопреки физическому небытию изо всех сил тянула к ней свои теплые, ласковые руки».²⁸³

В этой же повести можно увидеть трансформацию образа, видимую не только во внутреннем мире героини, но и отразившуюся на ее внешности: молодая красивая женщина превращается в черную, страшную, седую старуху, которая символизирует смерть: «Не узнала Марфа горделивую красавицу Анну, перед ней стояла совершенно седая старуха».²⁸⁴

Таким образом, приходим к выводу, что образ Земной женщины в хантыйской литературе имеет национально обусловленные черты и отражает реалии жизни северного этноса. Земная женщина соблюдает народные традиции, но она же и нарушает их, отстаивая право на собственный выбор, на личное счастье. Ей свойственны сила характера, целеустремленность, нестигаемость и решительность. В хантыйской прозе образ Земной женщины обрел более четкие черты. Он отразил всю противоречивость, двойственность и одновременно цельность женского характера.

282 Молданова Т.А. Средний мир Анны из Маланга. // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник. — Томск: Ассоциация народов Севера, 1993. С. 74.

283 Молданова Т.А. Касания Цивилизации // Эринтур (поющее озеро) / Альманах писателей Югры. — Ханты-Мансийск: «Эринтур», 1998. Выпуск №3. С. 136.

284 Молданова Т.А. Средний мир Анны из Маланга. // Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник. — Томск: Ассоциация народов Севера, 1993. С. 90.

Заключение

В данной монографии осуществлен гендерный подход к осмыслению образа в хантыйской литературе. Женские образы (образ Матери, образ Возлюбленной, образ Святой женщины, образ Земной женщины) рассмотрены как важная составляющая творчества поэтов и писателей ханты.

Е.П. Каргаполов отмечает: «Женщина Севера очень тонко чувствует ритм природы, живет не только в природе, с природой, но и сливается с ней не только мыслью, но и жизнью, своей деятельностью. Она отождествляет себя то с оленем, то с деревом. <...> Сама северная суровая природа, тундра и лес, болота и цветы, дают хантыйской женщине энергию для семейной жизни, для творчества, любви. Она не только живет в природе, но и хочет смотреть глазами природы на мир ее окружающий. Ее чувства, страсти, переживания, состояния души проистекают из ее внутренней природы».²⁸⁵ Эту внутреннюю природу каждого образа мы и попытались раскрыть, осмысляя лирические и эпические произведения хантыйской литературы. Соглашаясь одновременно с мнением Е.П. Каргаполова, что «Хантыйская женщина — это явление культуры и природы в их единстве».²⁸⁶

Образ Матери — доминанта хантыйской литературы, правда, доминанта несколько смещенная в сторону прозы. В поэзии сложился идеал Матери, воссозданный на ассоциативно-чувственной памяти к отдельной детали. В прозе же не наблюдается столь явной идеализации. Мать выступает носителем и транслятором народной культуры, знаний, к которым приобщает и детей. Авторы показали изменения материнского начала в женщине в меняющихся условиях ее существования.

285 Каргаполов Е.П. Единение женщины и природы в творчестве М.К. Вагатовой // Материалы НПК с международным участием «Сородичи, я не так прекрасна от ваших влюб...», посвященной юбилею М.К. Вагатовой. — Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. С. 49.

286 Там же. С. 63.

Образ Возлюбленной – это главная составляющая немногочисленной любовной лирики хантыйских поэтов. Возлюбленная воплощается чаще всего через лирического героя, его переживания, ощущения, чувства. При возведении возлюбленной на пьедестал поэты сближают ее с образом музы.

С образом Возлюбленной в любовной лирике хантыйских поэтов появился мотив поиска возлюбленной. Этническими особенностями можно объяснить и еще одну закономерность в образе Возлюбленной – отсутствие портрета.

Хантыйские прозаики через образ возлюбленной раскрыли одну из граней взаимоотношений женщины и мужчины.

Образ Святой женщины представлен в хантыйской литературе тремя ипостасями: мученицей, ангелом и богиней. Для мученицы свойственно преодоление всех препятствий, жертвенность, мужество, сила не столько внешняя, сколько внутренняя. Ангел характеризуется нежностью, милыми чертами лица, прозрачным обликом. Богиня вызывает восхищение и вознесена писателем. Иногда, обращаясь к образу Святой женщины, писатели используют более типичную, отсылающую к архаичному культурному пласту, символику. В поэзии образ Святой женщины связан с идеей избранности.

Образ Земной женщины обусловлен этническими реалиями жизни на Севере. Он отразил всю противоречивость, двойственность и одновременно цельность женского характера.

Содержание

Введение	3
Образ Матери	7
Образ Возлюбленной	30
Образ Святой женщины	66
Образ Земной женщины	77
Заключение	95
Содержание.....	97

Подписано в печать 17.12.2010 г.
тираж 300 экз., формат А5, бумага 80 г/м²
печать ч/б

Отпечатано в ООО «Типография «Печатное дело»
г. Ханты-Мансийск, ул. Комсомольская, 63
тел. (3467) 33-25-00